Бухарин Н.И.
Международная буржуазия и Карл Каутский ее апостол.
М., 1925

НИЛ—Библиотека
ЕН121
М389

EH121
M389

Н. БУХАРИН

МЕЖДУНАРОДНАЯ БУРЖУАЗИЯ И КАРЛ КАУТСКИЙ ЕЕ АПОСТОЛ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"
1925

Н. БУХАРИН

ЕН 121
М 389

МЕЖДУНАРОДНАЯ БУРЖУАЗИЯ
и
КАРЛ КАУТСКИЙ, ЕЕ АПОСТОЛ

(ответ К. Каутскому)

Издание
ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"
1925

ЕН121
М389

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

1050182

30089

Главлит № 42688. Москва. Тираж 10.000.

Тип. изд. „Правда“ и „Беднота“. Яузский м., Серебряническ. наб., д. 23а.

Кларе Цеткин,

ветерану великой освободительной борьбы пролетариата; одной из немногих, пронесших незапятнанным знамя революционного марксизма, несмотря на измену бывших соратников; передовому борцу Коминтерна, другу Советского Союза, мужественному товарищу, вечно стоящему под обстрелом врага

с горячей любовью к ней посвящает эту работу

автор.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая вниманию читателя брошюра печаталась частями в «Правде», центральном органе РКП(б). Она является полемическим ответом на изумительную по своему содержанию брошюру Каутского, которая блещет одновременно и полным, поистине всесторонним, незнанием советской действительности, и ярко выраженным контрреволюционным содержанием. Смысл выступления г-на Каутского—это подготовить «общественное мнение» к войне с СССР и к контрреволюционному перевороту. Это выступление «вождя» с.-демократии находится в кричащем противоречии с выступлениями с.-д. рабочих, об'езжавших нашу страну и пришедших к выводам, прямо противоположным выводам Каутского. Здесь сказывается, как это ни странно, не только разница в информации (что бы там ни говорили, но из Берлина видно меньше, чем с тех наблюдательных пунктов, которые были в распоряжении пролетариев), но и разница классового подхода: Каутский очутился идейно по другую сторону баррикады.

Брошюра написана со всей резкостью, которую Каутский заслужил. Несмотря на резкость тона, все основные (и громадное большинство из второстепенных) аргументы Каутского получили в нашей брошюре самое подробное освещение. Брошюра предназначена, в первую очередь, для тех иностранных пролетариев, которые еще не нашли в себе решимости порвать с такими вождями, как Каутский. Но, касаясь ряда основных вопросов нашей текущей жизни и давая им общетеоретическое освещение, она может оказаться небесполезной и для широких кругов рабочих нашего Союза. Она покажет им и всю глубину падения теоретического вождя 2-го Интернационала.

Кстати. Немецкие с.-д. рабочие, приехавшие к нам, не верили, что Каутский мог написать что-либо подобное.

И только, когда они увидели экземпляр книжки К а у т с к о г о и убедились самолично, *что* в этой книжке написано, они «поверили» и... отвернулись от К а у т с к о г о. На том экземпляре брошюры К а у т с к о г о, по которому я писал свой ответ, красуется соответствующая выразительная «социалдемократическая» надпись.

Все это указывает на необходимость более интенсивной п р о п а г а н д ы с нашей стороны, пропаганды широко-р а з'я с н и т е л ь н о г о характера. Это в особенности необходимо теперь, когда так бешено ведется пропаганда со стороны буржуазии, пропаганда, одним из звеньев которой является отныне знаменитый «момерандум» г-на К а у т с к о г о.

Москва, **Н. Бухарин.**
август, 1925 г.

Международная буржуазия и Карл Каутский, ее апостол.

Опыт последних лет с величайшей яркостью показал, что одной из могущественнейших подпорок буржуазного режима является социал-демократия: ее партийные организации, ее лидеры, ее теоретики, ее публицисты. С разных сторон они с величайшей настойчивостью слуг «преданных и верных» выполняют директивы сильных мира сего. Когда в воздухе пахнет грозой, когда буржуазия подготовляет какую-нибудь расправу, когда нужно одурачить, запугать, превратить в бессловесное, дрожащее от страха животное обывателя и из запуганных филистеров сколотить армию «рассвирепевших лавочников»,—тогда выпускают социал-демократию. Она отлично выполняет эти функции, эта «социалистическая» партия! И если прожженные шарфмахеры и волки спекулянтской биржи становятся вдруг щедрыми, как Бармат,—«социалисты» с чувством собственного достоинства берут мзду: не потому что «non olet» («не пахнет»). Помилуйте, ведь это заработанные деньги!

Теперь мировая история, повидимому, вступает в какой-то новый фазис своего развития. Страна пролетарской революции растет и крепнет. А на Востоке разгорается громадное пламя, отсветы которого заглядывают в окна лондонских и парижских банков, огненные языки которого пугают господствующие классы всего мира. Крик ненависти к нам несется из-под буржуазных крыш. И в то время, как китайский народ поливают свинцовым дождем из пулеметов во славу человечности, христианства, цивилизации и—last but not least—высокого курса колониальных акций, против союза пролетарских государств плетется сложная сеть козней и интриг, военных союзов и заговоров, подготовки финансовой блокады и «нового курса» вообще («нового», т.-е. того, который «был да весь вышел»). Мы не очень боимся беснующейся буржуазной клики: она уже обломала себе зубы, обломает и теперь—с марокканской войной, с финансами Франции,

с безработицей в Англии, с банковыми крахами в Германии, с антантовско-германской проблемой и прочими гирями на шее—пусть попробуют!

Но, если «они» и не «попробуют», то будут готовиться и готовятся. И запевалой в этой грязной подготовке выступает теперь... Карл Каутский, который диалектически превратился из сносного апостола социализма в положительно несносного апостола контрреволюции. В теперешней обстановке он выступил с новой брошюрой: «Интернационал и Советская Россия». Трудно читать эту книгу без чувства гадливости и величайшего отвращения: эта бешеная и бессильная контрреволюционная злоба; этот старческий маразм мысли, которая топчется на месте; это полное непонимание общественных об'ективных связей; эта назойливая угодливость перед господствующей буржуазией; эта психология филистера, который взбесился против «грабежа собственности»—какое падение даже для ренегата! А, ведь, был человек...

I. Международное значение Советского Союза.

Когда-то, двадцать слишком лет тому назад, Каутский писал:

> «Революционный центр передвигается с запада на восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. и Германия вступила в ряды революционных наций, тогда как Англия на ближайшее будущее вышла из ряда их. С 1870 г. у буржуазии всех стран начинают исчезать последние остатки ее революционных стремлений. Быть революционером и быть социалистом—с этих пор становится равнозначащим...
>
> Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию...
>
> В 1848 г. славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую, счастливую весну для народов»[1]).

Маркс, который в противоположность дрянненьким «социалистам», с презрением «цивилизованных» лакеев говоря-

---

[1]) «Славяне и революция». Статья напечатана в «Искре», № 18 (10 марта 1902 г.). Цитируем по «Искре».

щим о «муллах из Хивы», «туркестанцах» и т. д., придавал огромнейшее значение колониально-революционным движениям, писал о Китае:

«Когда наши европейские реакционеры вынуждены будут в ближайшее время бежать через Азию и доберутся, наконец, до Великой Китайской стены, до ворот, которые ведут к очагу извечной реакции и извечного консерватизма, то кто знает, не найдут ли они на ней надпись:

Китайская республика.

Свобода, равенство, братство»! [1])

А в одной из статей, опубликованных в «New-York Tribune» (№ от 14 июня 1853 г. [2]) Маркс писал:

«...Можно смело предсказать, что китайская революция бросит искры в перегруженную мину современной промышленной системы и вызовет взрыв давно подготовлявшегося всеобщего кризиса, за которым, когда он распространится за границей, непосредственно последуют политические революции на континенте. Это будет любопытное зрелище, когда Китай вызовет беспорядки в западном мире, между тем как западные державы посылкой английских, французских и американских военных кораблей будут насаждать «порядок» в Шанхае, Нанкине и в устьях Большого Канала».

Конечно, многое теперь изменилось: ведь прошло с тех пор три четверти столетия! Изменилось многое и с того времени, как Каутский написал свою пророческую статью о роли нашего пролетариата. Изменился (и изменил) и сам Каутский. Но характерно то, что основные тенденции развития, которые были предсказаны Марксом и Каутским, подтвердились полностью и целиком. Неслыханно-разрушительная мировая война; ряд революций, с центром в России; быстрый рост колоний; гром китайской революции (четыреста миллионов человек!)—разве «мир извечной реакции» не стал на голову?

Поднимемся сейчас над этим миром, постараемся охватить главное, самое существенное в общем положении. Что будет это «главное»? СССР и Китай. Чего больше всего боится международная буржуазия? Против кого она ополчается в первую голову, забывая нередко трения между различными своими национальными частями? Против СССР,

---

[1]) Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels. 1841—1850. Dritter Band. S. 445.

[2]) На русском языке опубликована тов. Д. Б. Рязановым вместе с его предисловием, дающим прекрасное освещение вопроса. См. «Правду», № от 14 июня тек. года.

как против могущественного антикапиталистического фактора. Буржуазия отлично понимает, что победа трудящихся в Китае, повторение там «русского опыта» означало бы конец господства буржуазного режима вообще. Один из наиболее проницательных политиков буржуазии, г-н Ллойд-Джордж, прямо говорит об этом. Не даром когда-то тов. Ленин в шутку хотел посвятить свою «Детскую болезнь левизны» именно мистеру Ллойд-Джоржу. Этот умный буржуазный лидер видит об'ективные общественные связи гораздо лучше и яснее, гораздо более «по-марксистски», чем социалистические агенты буржуазии (ибо роль агентов связана неизбежно с ограниченным кругозором).

Боится буржуазия Каутского, II Интернационала, реформистов?

Нигде и никак.

Она боится только коммунистов. Она вешает только коммунистов. Каутский может быть спокоен: петля не охватит его шеи—он сгниет «сам собой».

Боится буржуазия, что ей угрожает Амстердам?

Никоим образом.

Но она боится, что Коминтерн проникнет со своим влиянием в ряды организованных Амстердамом пролетариев.

И буржуазия боится Союза пролетарских республик, против которого она выступает, в той мере, в какой она может выступать.

Разве это не так? Разве эти элементарнейшие, всем понятные доступные даже обывательскому уму факты не говорят сами за себя?

Конечно, да. Но апологеты капитализма—потому и апологеты, что они фальсифицируют—извращают действительность. В угоду буржуазии они белое делают черным, а черное белым. В угоду буржуазии они существующее об'являют несуществующим, прошлое настоящим, а настоящее прошлым. Но в этой лжи, в этом издевательстве над истиной, в этом изнасиловании правды есть своя логика: эта логика есть логика служения капиталу.

Капиталу нужно сделать красное белым. И Карл Каутский услужливо берет на себя роль фальсификатора.

> «В течение ряда лет советское правительство занималось главным образом тем, чтобы порабощать, подкупать, одурачивать пролетариат как в России, так и вне ее... Оно является теперь сильнейшим препятствием под'ема пролетариата во всем мире—худшим, чем гнусный режим Хорти в Венгрии или Муссолини в Италии...»[1]).

---

[1]) K. Kautsky. Die Internationale und Sowjet-Russland. Verlag von Dietz Nachfolger. Berlin. S. 11.

Каутский всерьез утверждает, что в сущности у нас теперь царит абсолютизм так же, как он царил до революции 1905 года. Каутский ставит для своего «Интернационала» такой остроумный вопрос: не нужно ли занять по отношению к советскому государству, как к «возобновленному русскому абсолютизму», такую же позицию, какую с самого начала занимал по отношению к нему его (II Интернационала) великий предшественник»[1]).

И он отвечает в общем утвердительно на этот вопрос! Ибо главная перемена в России лишь в том, что «абсолютизм» правит не из Петербурга, а

«из Москвы, дальше от Европы и ближе к Татарии», что, конечно, весьма предосудительно, ибо татары—ведь не народ с точки зрения «просвещенных» эксплоататоров и их лакеев.

Итак, советское правительство есть сильнейшее препятствие к под'ему пролетарского движения и притом во всем мире—вот «тезис» Карла Каутского.

Мы оставляем пока без внимания свидетельские показания сотен тысяч людей, которые никак не желают согласиться с Карлом Каутским. Постараемся, несмотря на явную нелепость этого детского заявления, разобрать его по существу.

Итак, СССР есть международный жандарм против рабочих, обманщик рабочих, их истребитель. Предположим, что это так.

Но ведь сам Каутский не отрицает, что теперешняя эпоха есть эпоха грозная для капитализма. С чьей стороны идет «гроза»? Со стороны рабочих. Не так ли? Так. Но если советское правительство играет роль усмирителя, прижимальщика и международного жандарма (как когда-то, в свое время, царизм), что же это значит? Это значит, что капитализм имеет в СССР свою лучшую опору. Но если капитализм имеет в СССР свою лучшую опору, так он должен был бы всячески беречь и холить эту опору, финансировать ее, поддерживать ее материально и морально. Каутский, напр., знал двадцать лет тому назад, что Французская республика спасала в 1905 году царизм своими деньгами. Ибо царизм был оплотом против революции.

А теперь?

А теперь вся международная буржуазия рвет и мечет против СССР и вынуждена заключать мир только потому, что у самой «руки коротки».

Так отчего же международная буржуазия так нелаково относится к своей «опоре»? И—позвольте вас спросить

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 6.

по секрету: отчего она так ласково относится к седовласым изменникам, в роде вас, г-н Каутский? И даже потчует вашу партию из барматовского кошелька?

Почему имя Ленина и красная пятиконечная звезда известны всем угнетенным всех материков? А ваши злобные выходки издаются, цитируются и благословляются буржуазными «идеологами» и буржуазными потаскухами всех стран? По-че-му?

У Каутского не будет здесь ответа. Ибо настоящий ответ есть удар по лицу автору разбираемой брошюры...

Но взглянем конкретно на влияние СССР; посмотрим, где и как СССР является препятствием к «под'ему рабочего класса».

Начнем с Англии, «классической страны капитализма», которая держит в своих жестких руках «полмира».

Много лет тому назад Каутский, еще не бывший ренегатом Каутским, писал об английском пролетариате:

> «Нигде пролетариат не отличается такой многочисленностью, нигде его экономические организации не достигли такого высокого развития, нигде не пользуется он такой широкой политической свободой, как в Англии,—и в то же время нигде пролетариат не страдает таким политическим бессилием...
>
> В качестве политического фактора английские рабочие стоят теперь ниже, чем рабочие экономически самого отсталого, политически самого несвободного из европейских государств—России. Живое революционное сознание,—вот что дает последним их великую практическую силу; отречение от революции, нежелание итти дальше интересов минуты, так называемая, «реальная политика»,—вот что делает первых нулем в действительной политике» [1]).

И дальше:

> «...пролетарии поднялись так высоко только там, где они продолжали оставаться в самом резком антагонизме с буржуазией». А английские пролетарии «теперь представляют из себя... мелких буржуа, которые от других буржуа отличаются лишь несколько большей некультурностью и высший идеал которых заключается в том, чтобы по-обезьяньи передразнивать своих господ, перенимать их лицемерную респектабельность, их преклонение перед богатством... их прошлое время-препровождение...» [2]).

---

[1]) К. Каутский, «Социальная революция». Изд. ВЦИК. М. 1918. Стр. 60—61.

[2]) Там же.

И Каутский со страстью набрасывался тогда на фабианцев, оппортунистов, «реальных политиков».

Увы, теперь фабианцы стали поставщиками идей для Каутского и германской социал-демократии! А «обезьяны» в роде Макдональда, за время «рабочего правительства» сделавшие только одно приобретение—как держать шлейфы у королев и как кланяться королям,—практическими лидерами каутскианского, с позволения сказать, «Интернационала».

Но... Но ведь было рабочее правительство?!

Было, бабушка! Было, милая! Но не вспомнишь ли, старенькая; не вспомнишь ли, слепенькая, как это было?

Это было так, что английские рабочие шли против буржуазии под лозунгом признания СССР и вынесли на своих плечах блаженного Рамзея Макдональда. Какую же роль сыграл здесь СССР?

Даже не особенно борзый разумом человек скажет, *что* это за роль.

А дальше. Пусть кто-нибудь попробует доказать, что англо-русское профсоюзное сближение означает связь с буржуазией, а не высвобождение из-под буржуазного влияния! Ибо высвободиться из-под буржуазного влияния, которое так великолепно изображал Каутский, когда был помоложе, это значит—высвободиться из-под влияния Веббов, Макдональдов (проповедующих по воскресеньям по церквам), Сноуденов и прочих филистеров, которые никогда и не помышляли о «самом резком антагонизме с буржуазией». Но ведь эти персоны—сотоварищи и единомышленники теперешнего Каутского! Они—«господа положения» во II Интернационале! Они—его признанные лидеры! Они определяют его решения!

«Русское влияние», т.-е. влияние пролетарской диктатуры, влияние большевиков, есть «влияние» в сторону высвобождения от «влияния» буржуазии. Это признают все. И поэтому господа Хиксы воспрещают въезд в Англию иностранным коммунистам, и были бы очень рады «визиту» со стороны Каутского. Ведь это тоже бывший министр, который не обидел и не «ограбил» ни одного «порядочного буржуа»!

Другой полюс мира: Китай. Быть может здесь СССР и русские большевики являются величайшим препятствием для под'ема рабочего движения?

Но утверждать это, надеемся, не станет даже отпетый мошенник.

Во Франции только компартия ведет борьбу сейчас с гнусной империалистской войной, а парламентская фракция сотоварищей Каутского идет, хотя и упираясь, с правительством.

Мы не будем говорить много о Германии. Напомним лишь, что когда на Рур шли французы и занимали черными войсками немецкие города во имя все той же цивилизации и «простых правил права и нравственности», то единственным государством, которое открыто протестовало против этого акта насилия, был СССР. И единственной партией, которая поднимала свой голос против международного разбоя (голос рабочих), была партия коммунистов.

Нужно быть поистине бесчестным клеветником, чтобы после этого говорить о «Москве» и Третьем Интернационале:

«Только бесхарактерные негодяи (Lumpen) и невежественные, бессмысленные болтуны могут здесь утвердиться» [1]).

«Бесхарактерные негодяи»! Посмотрите на себя в зеркало, «честный» и «твердокаменный» г-н Каутский!

Где искать корней этого злопыхательства? Где нужно шарить, чтобы понять, как дошел до жизни такой человек, слывший марксистом, читавший и даже издававший Маркса?

Быть может, ключ к этому дают следующие строки новой брошюры ренегата:

В России был «простой грабеж имущих, который понятен каждому разбойнику и вору» (das blosse Plündern der Besitzenden, das jeder Räuber und Dieb versteht) [2]).

И второе место, где «об'ясняется» и «раз'ясняется» мировая революция большевиков:

Большевики «видели свое... спасение в том, чтобы ограбить (zu plündern) более богатую Западную Европу, для чего им нужна была мировая революция, то-есть открытая или прикрытая война против заграничных правительств. Это реальное, хотя и не всегда признаваемое состояние войны означало выключение России из внешнего мира» [3]).

Эти места не требуют никаких комментариев. Раздраженный и озлобленный собственник-филистер, боящийся за свой халат и книжку из сберегательной кассы,—таков наш «герой».

Гораздо талантливее те же чувства выразил один известный русский монархист, В. В. Шульгин. В его мемуарах мы находим такую «философию русской революции» (февральской!):

«В буфете, переполненном, как и все комнаты, я не нашел ничего: все с'едено и выпито до последнего

---

[1]) K. Kautsky. l. c., S. 11.
[2]) Там же, стр. 9.
[3]) Там же, стр. 23.

стакана чая... Огорченный ресторатор сообщил мне, что у него раскрали все серебряные ложки...»

«Это было начало: так «революционный народ» ознаменовал зарю своего «освобождения». А я понял, отчего вся эта многотысячная толпа имела одно общее, неизреченно гнусное лицо; ведь это были воры—в прошлом, грабители—в будущем... Мы как-раз были на переломе, когда они меняли фразу... Революция и состояла в том, что воришки перешли в следующий класс: стали грабителями»[1]).

И о «тактике» Шульгин рассуждал последовательно-каутскиански:

«...я чувствовал в себе одно тоскующее, бессильное и потому еще более злобное бешенство.

— Пулеметов!

Пулеметов—вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе, и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлоги вырвавшегося на свободу страшного зверя...

Увы, этот зверь был... Его Величество русский народ!...»[2]).

Мы увидим, как Каутский закричит и о пулеметах. Теперь нам хотелось лишь отметить это поразительное сходство чувств и мыслей (их можно все же назвать мыслями) у русского черносотенца и у социал-демократического «теоретика».

II. Абсолютизм Романовых и «абсолютизм» большевиков.

Каутский—мы забегаем здесь в изложении несколько вперед—будет звать против советской власти различные вооруженные силы. Но он не прочь предварительно пококетничать своей добродетелью; он, изволите видеть, готов был бы испробовать сперва все другие меры: «переубеждения, научных аргументов или апелляции к чувству товарищества, которое нас когда-то соединяло; к стыду и человечности»[3]).

Мы предпочитаем здесь говорить о «научных аргументах», ибо «чувства стыда и человечности», так прекрасно выразившиеся в социал-демократической слежке за Либкнехтом и Розой, в их убийстве, во всей политике социал-демократии, вплоть до «человечных» расправ Носке, «человечной» деятельности болгарских социал-демократов, поддерживаю-

---

[1]) В. В. Шульгин: «Дни». См. сборник «Февр. революции». Мемуары. Сост. Алексеев. Гиз. 1925. Стр. 96.

[2]) Там же, стр. 89.

[3]) K. Kautsky, l. c., S. 12.

щих Цанкова, и «стыдливых», интимных и истинно-«человечных связей с Барматом—явно понимаются нами по-разному.

Итак, обратимся к «научным аргументам» Каутского.

Мы, правда, видели, какова «наука» этого писателя и каковы его «научные аргументы» в вопросе о международном значении СССР. Они, как две капли воды, смахивают на «научные аргументы» капиталистических департаментов полиции; их внутренняя ложь обнаруживается даже при самом легком прикосновении критики. Посмотрим, однако, как аргументирует «критик большевизма» в других вопросах.

Одной из центральных проблем (у Каутского эта «проблема» поставлена даже во главу угла) является вопрос о теперешнем «абсолютизме большевиков». Правда, г. Каутский здесь не столько доказывает, сколько декретирует. Но мы обязаны проследить и эти «декреты».

Итак, дадим слово Каутскому:

> «...Снова сидит в России «варварская сила», которая нагло попирает «простые законы права и нравственности». Снова мы могли быть свидетелями «идиотского равнодушия», с которым Европа (наш курсив. *Н. Б.*) «глядела на завоевание кавказских горных крепостей». Изменилось лишь то, что на этот раз равнодушие не ограничилось «высшими классами», и что «эта варварская сила» имеет свою головку не в Петербурге, а в Москве, дальше от Европы и ближе к Татарии, и что «ее руки» замешаны не столько «в каждом кабинете», сколько в каждом пролетарском движении, и не только Европы, но и всего мира»[1]).

Это декрет № 1. Оставим пока его без возражения и приведем другие тезисы социал-демократического «ученого».

> «Конечно, большевистский деспотизм отличается от других, с которыми мы до сих пор имели дело, тем, что новые деспоты были когда-то нашими товарищами...»[2]). Однако, «в Америке есть многочисленные миллионеры, которые в молодости принадлежали к самым бедным пролетариям. Их пролетарское происхождение ни капли не мешает им позднее превращаться в циничнейших и самых бессердечных эксплоататоров пролетариата. То же самое мы видим у большевиков. То обстоятельство, что они поднялись со дна пролетарских условий существования к неограниченной власти, не гарантирует, что они думают по-пролетарски и ценят уважение пролетариата; это обстоятельство способствует лишь тому, что они от

---

[1]) Karl Kautsky, l. c., S. 5—6.
[2]) Ibid, S. 14.

других господствующих классов отличаются лишь особой жестокостью и бесстыдством» [1]).

Это—«научный аргумент» № 2.

«Как всякий другой военный деспотизм, как военные монархии Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов, и он должен быть преодолен силой» [2]).

Это—«научный вывод» из предыдущего.

Вот и вся «философия» Карла Каутского.

За исключением положения о прежнем «товариществе», все остальное можно найти в любом буржуазном памфлете на диктатуру пролетариата в России: и в заграничных «произведениях», и в элаборатах русских белогвардейцев, от монархистов до эсеров включительно. Наши пролетарии лишь с возмущением прочтут эти злобные контрреволюционные строки. Но мы пишем и для тех товарищей, которым залепила уши буржуазная пресса («свободная»!), и только поэтому должны разбирать этот вздор.

Прежде всего, в «анализе» Каутского всякого марксиста поражает преступно-легкомысленное отношение автора к классовому анализу государственной власти. Он ставит на одну доску абсолютизм «Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов» и большевиков. Притворимся на минуту, что это нас не возмущает. Отложим в сторону все негодование по адресу теоретического погромщика, который когда-нибудь заслужит орден «почетного легиона». Разберем вопрос спокойно.

Каутский должен был бы, если бы он был хоть капельку честен, поставить вопрос о классах.

Что лежало в основе романовской монархии? В основе романовской монархии лежало на $^{99}/_{100}$ полуфеодальное поместье. Крупный помещик-полукрепостник был классовой основой романовской монархии. Эта «азиатская» (ибо наиболее феодальная) характеристика экономических основ самодержавия вполне об'ясняет, почему специфической особенностью «русской» революции было такое огромное значение для нее аграрного вопроса.

Что лежало в основе гогенцоллернской монархии? Блок юнкера, «агрария», т.-е. вылезшего в значительной мере из феодального мундира и надевшего мундир капиталистический, помещик с городским капиталистом, при чем удельный вес помещика был еще очень велик. Примерно то же было и в Австрии.

Почему российское самодержавие было самым опасным врагом международного пролетариата? Потому, что это была самая реакционная сила в мире. А самой реакционной

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 15.
[2]) Ibid., S. 17.

1050182
30039
БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

эта сила была потому, что ее основу составлял экономически и социально самый реакционный класс. Международным жандармом и оплотом реакции было государство с наибольшими остатками феодализма, коего опорой являлась полуфеодальная крупная поземельная собственность.

Неужели это непонятно? И неужели непонятно также и то, что Германия и Австрия были, с точки зрения своих жандармских функций, наиболее близки к России именно потому, что в этих странах буржуазные революции не расправились так радикально с феодальной поземельной собственностью, как это было, напр., во Франции?

Можно, как угодно, оценивать нашу революцию. Но отрицать тот факт, что она, как нигде, разбила и смела с лица земли феодального помещика, в состоянии только сумасшедший. Каутский до такой ступени в своем попятном «развитии» еще не дошел. Он не отрицает гибели помещика, хотя ему и не особенно приятен этот «грабеж» («Ausplünderung»). А если это так, то как же может человек, претендующий на звание марксиста (не шутите!), ставить на одну доску Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов, большевиков?

Извините, гражданин! Это не только не марксизм, это даже не вульгарный марксизм: это элементарная безграмотность. Лишь на языке Каутского такие апологетические танцы могут называться «научными аргументами»: грош им цена.

Это до такой степени очевидно, апологетическое фокусничество Каутского столь неловко, столь грубо, столь неумно, что даже г. Федор Дан, вершитель судеб меньшевистской партии, должен был ополчиться на разбираемый тезис. Гр. Дан пишет по поводу брошюры Каутского:

> «К сожалению, при разработке своей основной (наш курсив, *Н. Б.*) темы Каутский не дал того, что мы в праве были ожидать именно от теоретического вождя марксизма... Вместо такого анализа Каутский уже в первой главе своей брошюры, требующей со стороны нынешнего Интернационала такого же отношения к большевистскому абсолютизму, какого Маркс требовал от I Интернационала по отношению к абсолютизму царскому,—ограничивается постановкой знака равенства между этими двумя «абсолютизмами».
>
> Но можно ли вместо конкретного социально-экономического анализа такого исторического явления, как русский большевизм, ограничиться формально-логической классификацией, при которой это «дитя революции» попадает в ту же рубрику «абсолютизма», как романовская монархия? Такой метод приводит к самым

неожиданным выводам, на странность которых указал даже П. Н. Милюков» [1]).

Это прямо картина для богов! Дан и «даже П. Н. Милюков» обучают Каутского марксизму! Несчастный ренегат так «поспешает», при своей старости, угодливо забежать перед буржуазией, что спотыкается, шепелявит, заикается; марксистская маска сползает с лица на затылок, и «даже П. Н. Милюков» вынужден (вероятно, не без легкого отвращения) поправлять ее. Дождались, г-н Каутский!

Итак: ставить «власть большевиков» на одну доску с абсолютизмом—значит ровно ничего не понимать в этих явлениях или злостно передергивать. Мы охотно предоставляем Каутскому выбор между двумя соответствующими категориями «моральных» и «добродетельных» людей.

Из предыдущего следует, что с этой точки зрения, взгляды Каутского и на международное значение советской власти получает новый сокрушительный удар.

Но вернемся к дальнейшему разбору нашей темы. Если государство в СССР не есть господство крупных землевладельцев и в то же время не есть господство пролетариата, то что же это такое? Где классовый корень этого господства? Что же думает по этому поводу Каутский?

Самым лучшим толкованием было бы, примерно, такое толкование: большевики взяли власть, как пролетарская партия; а потом, посидев у власти, выродились, перестали быть пролетарской властью и проделали такую же эволюцию, как некоторые из американских миллионеров, которые вышли из рабочих низов. Только те поднялись благодаря личной наживе, и их соучастие в государственной власти есть результат личной наживы, а здесь личная нажива стала результатом захвата политической власти. Повторяем, это «наилучшее» толкование, которое можно дать клочкам замечаний, разбросанных у Каутского.

Если это так, то, во-первых, все те, кто мешал партии пролетариата работать, кто саботировал эту работу, кто вместе с генералами и буржуа поднимал против этой партии меч, играл об'ективно контрреволюционную роль и заслуживал «плебейской» расправы. Думать, что октябрьский переворот совершила «кучка захватчиков», значит принципиально сойти с почвы марксистской методологии. Таким образом, здесь было бы дано полное оправдание большевистской тактике, пока партия не «выродилась».

Но предположим, что все это—«история», а Каутский требует обсуждения не того, что было, а того, что есть. Прекрасно. Итак, большевиков нужно рассматривать по типу

---

[1]) Ф. Дан. «Каутский о русском большевизме». «Социалистический Вестник», № от 20 июня 1925 г.

«выродившихся», по типу американских миллионеров из рабочих.

Примиримся (на бумаге, читатель!) с этой горькой участью. Сделаем такое допущение. Согласимся с Каутским на минуту, что это так.

Вот тут-то и начнутся настоящие чудеса. В самом деле. Ведь, Каутский выставил «американский» пример на горе самому себе. Если у нас на место царизма, сиречь государственной власти феодальных помещиков, стала власть буржуазии американского типа, т.-е. такой буржуазии, как в Америке, то ведь это должно быть самым приятным для Каутского. Ведь Каутский со всеми германскими (да и не одними германскими) социал-демократами только и делает, что лижет «американские штиблеты»: нужно вспомнить, как эти господа кадили Вильсону, нужно видеть, как умиленно они глазеют сейчас на карман «дяди Сэма». Правда, здесь форма правления не совсем такая; но раз таково же классовое существо, то и за формой дело не станется. Правда, Каутский, который говорит теперь, что американские self-made-man'ы «самые бессердечные и самые циничные эксплоататоры», почему-то не делает вывода о свержении правительства Американских Штатов. Но эту непоследовательность (или забывчивость?) можно простить старику... Разве, однако, читатель не видит, как безнадежно запутался со своими «учеными аргументами» бывший «министр социалистической республики», теперешний верноподданный фон-Гинденбурга Карл Каутский?

Далее. Никто решительно не сможет оспаривать того факта, что нэпманы как раз и есть «американского» типа буржуазия: буржуазия пронырливая, без гербов, без традиций, self-made-man'ы. Однако, мы, большевики, не даем им политических прав. А Каутские требуют этого. Как же об'яснить такую «неувязку», милостивый государь?

И здесь сразу же обнаруживается, в какие дебри заводит Каутского предположение об американско-буржуазном характере советской власти. Ибо совершенно необ'яснимым делается тогда факт ущемления новой буржуазии, лишение ее политических прав, ожесточенная борьба с ней на хозяйственном фронте: ведь нельзя же отрицать, что наше государственное хозяйство не без успеха борется с частным хозяйством допущенной нами нэповской буржуазии. С точки зрения Каутского все это—необ'яснимые факты. Или... или нужно бросить эту гипотезу и строить какую-либо иную.

Можно было бы тот же вопрос осветить и с другой точки зрения. Г-н Каутский толкует о вырождении, о миллионерах, о неуважении к пролетариату, об антипролетар-

ской политике. Но он ничего, р о в н о ничего не приводит в доказательство, кроме воплей о «терроре». О «терроре» (вот уж напугался: точно родимчик человека хватил!) мы поговорим после. А вот где у Каутского хоть какие-нибудь данные относительно материального положения членов нашей партии? Где у него хоть п о п ы т к а проанализировать этот вопрос с э т о й стороны (а она о б я з а т е л ь н а, если говорить о вырождении всерьез)? Где, словом, те «миллионы», которые должны быть достаточным аргументом для аналогии с американскими миллионерами? Ведь все это старый клеветник высосал из пальца. Или он питается росказнями монархической эмиграции о брилльянтах и кулонах Зиновьева, этих экономических коррелатах знаменитых «писем», на которые опирался г-н Рамзэй Макдональд? Об уважении к пролетариату, о политике и т. д.: где у Каутского хоть с л о в о о «ленинском наборе», о росте нашей партии и комсомола, о повышении материального благосостояния рабочих? Где хоть с л о в о, которое бы н а м е к а л о на знакомство с ф а к т а м и?

Но все это—книга за семью печатями для Каутского: он опирается, повидимому, лишь на одну «гениальную интуицию» да на белогвардейские кабацкие сплетни, этот лучший «источник» для серьезного «ученого».

Итак, гипотезу об американско-буржуазном характере нашей власти нужно бросить за ее полной негодностью. Но все-таки нужно же дать ответ на вопрос о к л а с с о в о й п р и р о д е советской власти: от этого вопроса некуда улизнуть, да и «совестно» улизывать «марксисту»,—не так ли?

У К а у т с к о г о, как мы видели, дана такая характеристика: «господствующий класс», который «отличается» от других (?) господствующих классов лишь «особой жестокостью и бесстыдством». Однако, даже малый ребенок видит, что такой «марксистский» критерий для классификации господствующих классов как-будто бы маловат. Как-будто бы все же нужно искать с о ц и а л ь н о - э к о н о м и ч е с к и й базис класса. Правда, г-н К а у т с к и й теперь изрядно «переучился»: он ведь «в два счета» заменил д и к т а т у р у п р о л е т а р и а т а к о а л и ц и е й с б у р ж у а з и е й. Но мы еще не слыхали, чтобы понятие к л а с с а строилось на рассуждениях о «г р у б о с т и» взамен точных и об'ективных с о ц и а л ь н о - э к о н о м и ч е с к и х критериев.

Впрочем, в одном месте брошюры мы находим несколько «смелых» строк, которые как-будто бы должны об'яснить, в чем дело. К а у т с к и й пишет.

«Они (т.-е. большевики. *Н. Б.*) теперь дошли до того (dahin gelangt), что живут от господства над пролетариатом и от эксплоатации его. Но они не имеют никакой охоты уступать эту позицию классу капиталистов. Поэтому теперь они

стоят и над пролетариатом и над капиталом и пытаются использовать и тот и другой, как орудие (als Werkzeug [1])».

Итак, мы видим, что «американская» гипотеза, в результате каких-то размышлений, отвергнута через несколько страниц и самим автором этой гипотезы. Теперь мы имеем концепцию «класса», который стоит и над капиталом, и над пролетариатом. Каутский даже пишет, что «они» не стали «силой, дружественной капиталу» [2], а просто «используют» всех и вся.

Этот замечательный «социологический анализ» поистине заслуживает внимания. Мы должны на нем остановиться подробнее. Но предварительно необходимо сделать несколько замечаний вот какого рода:

во-первых, по Каутскому, мы никак не можем быть крестьянской властью и выражать интересы крестьянства;

во-вторых, по Каутскому никак не выходит, чтобы советская власть могла трактоваться, как власть «организаторской интеллигенции» (Богданов); наоборот, Каутский сугубо подчеркивает мнимую враждебность нашу этой интеллигенции

После этих замечаний перейдем к дальнейшему разбору.

Итак, большевики стоят «и над пролетариатом и над капиталом». Прекрасно. Разберем эту «формулу».

Прежде всего, один вопрос: что же эти самые «большевики» составляют класс или они класса не составляют?

Предположим, что они составляют класс: ведь говорит же г-н Каутский о том, что этот «класс» отличается от «других господствующих классов своею жестокостью и бесстыдством».

Итак, коммунисты это—общественный класс. Проанализируем (вопрошая все время Каутского), что же это за особый класс.

Прежде всего, нужно иметь в виду, что партия (с кандидатами) насчитывает около миллиона человек. Из них изряднейшая часть падает на рабочих «от станка» и крестьян у «плуга». «Спрашивается в задаче»: что же эти товарищи, живущие на свой скудный заработок, жертвущие всем—принадлежат к эксплоататорам? Или как? Они живут в сфере производительного труда во всех смыслах этого слова. Они непосредственно создают материальные ценности и часть своего труда отдают государству; свое внепроизводственное время, которое Каутский, напр., тратит на отдых, они отдают утомительнейшей общественной работе. Как их прикажете считать?

---

[1], K. Kautsky, l. c., S. 25. Курсив наш.

[2]) Там же.

Если их Каутский зачислит в эксплоататоры, то даже лошади будут хохотать над таким ученым... колпаком.

Если же их следует считать эксплоатируемыми, то тогда внутри партии должно существовать два класса, при чем один класс является смертельным врагом другого.

Но есть еще «служащие». Они что ли являются эксплоататорами? Где признак этого? В том, что их труд непосредственно не создает материальных ценностей? Но тогда Каутский, напр., является эксплоататором par excellence, ибо он никогда не касался никакого «станка», живет в сфере непроизводительного труда, а по уровню своей жизни стоит гораздо выше 999/1000 работников нашей партии.

Что же осталось от «класса»? Кучка «ответственных работников». Почему же она—«класс»? Где конститутивные признаки этого «класса»?

Господствующий класс всегда характеризуется тем, что он имеет монополию на средства производства, по крайней мере на главнейшие средства производства в данном обществе. Если кучка людей есть господствующий класс, то это означает, что эта кучка обладает как своей собственностью «национализированными» средствами производства. Другими словами, из концепции Каутского вытекает, что, скажем, члены политбюро, в том числе и аз грешный, суть владельцы и собственники всей крупной промышленности, финансово-капиталистическая олигархия, получающая прибыль, новые «миллионеры». Но тогда эта кучка была бы классом новых капиталистов-миллионеров. Только где эти миллионы? И где эта капиталистическая олигархия? И где эта прибыль? И где этот странный концерн? Не спутал ли г-н Каутский нас с Барматом? Ведь он, вероятно, знает кое-что о, так-называемой, «ложной аперцепции»?

Такие абсурды получаются, если продумать «мысль» Каутского до конца.

Предположим, однако, что Каутский говорит о классе фигурально или условно. Предположим, что большевики не класс.

Что же получается тогда? Классовое общество без господствующего класса? Государство без классового содержания? Так просто, в роде субстанции и сгустка «грубости, жестокости и бесстыдства»?

Ну, «философия общества»! Ну, Каутский! Ну, «научные аргументы»!

Если большевики не класс, то, значит, они выражают интересы какого-то класса.

Этот класс—не крупные землевладельцы (они выкорчеваны, ausgerottet, как признает сам Каутский).

Этот класс—не капиталисты (это тоже признает Каутский).

Этот класс—не крестьяне, не интеллигенция (даже если считать последнюю за класс).

Что же остается?

Остается пролетариат.

Мы еще вернемся к этому вопросу в другой связи, а теперь перейдем ко второй, прямо относящейся к теме, проблеме. Мы видели, как «удачно» анализирует Каутский вопрос о классовом содержании советской власти. Посмотрим теперь, как он ставит вопрос о форме государственной власти.

Здесь достаточно будет ограничиться несколькими замечаниями. Под абсолютизмом, как известно, разумеется такая государственная форма, которая полноту власти сосредоточивает в руках одного лица, при чем это положение юридически закреплено. Абсолютизм есть абсолютная монархия в противоположность республике или монархии конституционной. Только такой смысл, если не брать в счет словесного кривлянья, имеет это слово.

Но отсюда ясно, что применять такой термин к республике советов значит именно кривляться или не знать дела, не знать азов государственного устройства нашей страны.

Конечно, г. Каутский не так наивен. Мошеннически употребляя слово «абсолютизм», он, в сущности, протестует против системы одной руководящей партии, против системы диктатуры. Ему не нравится, так сказать, коллективный «абсолютизм» класса пролетариев. Он ведь создал, как упомянуто выше, убогую теорийку, по которой диктатура заменяется коалицией. С точки зрения коалиции с буржуазией диктатура, естественно, кажется «абсолютизмом». Это более чем понятно и в дальнейших об'яснениях не нуждается.

Итак, что касается классового содержания нашей власти,—оно является пролетарским.

Что касается формы ее, то она является диктаторской.

То, что бесит Каутского, то, против чего он ведет бешеную борьбу, есть, стало быть, диктаторская форма государственной власти пролетариата. Диктатура пролетатиата,—вот об'ект ненависти всей международной буржуазии и ее социал-демократического апостола.

III. Большевистский террор, «социалисты» и массы.

Мы должны перейти теперь к разбору внутренних политических соотношений в стране, как их рисует Каутский и как они выглядят на самом деле. Но мы вынуждены предварительно остановиться на некоторых суждениях о терроре, ибо Каутский раз навсегда ушиблен этим вопросом и, несмотря на раз'яснения, которые он получил, хватается снова за насквозь прогнившие аргументы. Всякий, знакомый с фактами, знает, что террор у нас вовсе не стоит теперь «в порядке дня». Его время прошло, ибо силы народа разорвали кольцо интервенции и блокады. Пока господам Каутским не удастся натравить на рабочих и крестьян Союза иностранных капиталистов (а это есть, как мы увидим ниже, главная задача гнусной книжонки Каутского), у нас не будет террора. Но все же приходится отвечать на «научные аргументы» и по этой линии, ибо, с одной стороны, Каутский их «развивает», а, с другой стороны, на этом «развитии» можно легко показать, как элементарно нечестен этот автор, как низко опустился он на дно грязной буржуазной апологетики.

> «Феодально-абсолютистские державы Священного Союза более ста лет тому назад положили начало (интернациональному об'единению. *Н. Б.*); противодействовавшие им демократические революционеры различных стран увидели себя вынужденными в борьбе против интернациональной реакции выступить с организацией международного сближения (zu internationaler Annäherung) и международных симпатий. Пролетариат создал тогда первый прочный Интернационал современного типа»[1]).

«Священный Союз» был, прежде всего, союзом против революционной Франции, которая была даже после Термидора революционной страной по сравнению с феодальными государствами. Революционная Франция в собственном смысле слова была, прежде всего, Францией якобинской диктатуры. Якобинская диктатура нашла свое наиболее острое выражение в режиме террора, который был вынужден блокадой, интервенцией, войной, заговорами, голодом и разорением.

Почему Каутский, однако, ведет свою родословную от революционных демократов? Почему он не зовет к восстанию против них? Почему он не становится на сторону

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 58.

белой роялистской или жирондистской эмиграции, огнем и мечом орудовавшей против диктатуры якобинцев?

Или, быть может, никакого террора не было во время Французской революции? Или не было диктатуры якобинских клубов?

Не так давно известный историк Французской революции, «левый» буржуазный профессор А. Олар выступил с новой брошюрой по поводу роли насилия в этой революции[1]). В предисловии к русскому переводу этой брошюры белогвардеец Миркин-Гецевич пишет:

> «Олар произнес речь о той теории насилия, которую в Москве хотят подкрепить историческими примерами французского террора. Таким образом, речь знаменитого историка, являющегося вместе с тем идеологом французского демократизма... вырастает в некоторую программу. Олар заклеймил насилие, главным образом потому (наш курсив. *Н. Б.*), что Москва, практикующая террор и насилие, пытается оправдать кровь Чека (на каком это языке сказано, г. «приват-доцент»? *Н. Б.*) террором Конвента».

«Умный» Миркин-Гецевич «удружил»! «Умный» Миркин-Гецевич выболтал тайну фальшивых «опровержений». Эти опровержения нужны «главным образом потому, что Москва» и т. д., и т. п.

А как обстоит дело с «об'ективной истиной», о которой — на словах — так пекутся «беспристрастные исследователи»?

Летом 1793 г. из Конвента выгоняются жирондисты, и якобинцы становятся диктаторской партией. 5 сентября — петиция Шометта, который заявляет, что единственный метод борьбы с богачами — террор.

> «Гора, будь для Франции Синаем. Довольно милосердия, мы должны уничтожить их или они уничтожат нас». (Moniteur, XVII, № 250, стр. 521).

Представители от 48 секций Парижа и якобинского клуба заявляют:

> «Поставьте террор в порядок дня. Будем на-страже революции, ибо контрреволюция царит в стане наших врагов». (Mon., XVIII, № 250, стр. 526).

Дантон:

> «Революционный трибунал действует слишком медленно. Нужно, чтобы ежедневно аристократ, злодей расплачивались за свои преступления головой». (Mon., XVII, 250, 523).

---

[1]) А. Олар: «Теория насилия и Французская революция». Брошюра тотчас же была издана белогвардейским издательством «Я. Поволоцкий и К°» в Париже на русском языке и снабжена предисловием небезызвестного «приват-доцента Миркина-Гецевича».

Барер:

«Роялисты хотят крови, так и дадим же им кровь заговорщиков...;роялисты хотят разрушить труды Конвента. Заговорщики! Конвент разрушит ваши труды. Вы хотите погубить Гору. Хорошо, так Гора раздавит вас». (Moniteur, XVII, 251, 531).

Затем издается «закон о подозрительных», и гильотина начинает работать без остановок. 18 октября 1793 г. Конвент издает закон, коим революционным комитетам на местах вменяется в обязанность указывать арестованным мотивы их ареста. Но уже 24 октября этот декрет отменен, ибо он, по словам Робеспьера, «только заставил бы революционные комитеты выполнять излишние формальности». (Mon., XVII, 35, 215—216). По поводу террористических декретов Робеспьер говорил:

«Революционное правительство защищает добрых граждан, оно знает только наказанье смертию для врагов народа». (Mon., XIX, 97, 51).

И дальше:

«Те, кто называет эти законы тираническими (вспомните «абсолютизм» и «деспотию» Каутского! *Н. Б.*), глупые софисты или испорченные люди... В конце-концов они хотят только зарождения тирании и смерти отечества». (Mon., XIX, 97, 51).

Сен-Жюст, 10 октября:

«Вы должны наказывать не только преступников, но и индифферентных. Вы должны наказывать тех, кто бездействует в Республике и ничего не делает для нее... Правосудие и миролюбие—хорошие средства для друзей свободы, но для врагов они не что иное, как меч. Нужно управлять железом, если нельзя управлять законом». (Mon., XVIII, № 23, стр. 106 [1]).

Если бы Каутский потрудился познакомиться с фактами, он, например, узнал бы, что по декрету от 23 вентоза (13 марта 1794 г.) полагалась смертная казнь даже за покушение на достоинство Конвента; по закону от 22 прэриаля, самому свирепому террористическому закону, в судах устраняется решительно всякая гарантия «прав подсудимых»: уничтожаются допросы свидетелей, защита и т. д., и единственным наказанием вводится смертная казнь, при чем крайне расширяется круг преступлений.

---

[1]) Мы приводим цитаты из Moniteur'а, не имея времени взять их по первоисточнику, из работ товарищей Р. Авербух: «Террористический режим во Франции в 1793—1794 году» («Вестник Комм. Акад.», 1925 г., кн. XI); ее же: «А. Олар и теория насилия» («Печать и Революция», 1925 г., кн. 1) и Моносова: «Насилие и Франц. революция» («Под знаменем марксизма», 1924 г., кн. 8—9).

Правда, этот закон был уже направлен и налево, против «бешеных» и т. д. Но не видеть, что диктатура якобинцев была террористическим режимом высшей марки, это значит ничего не понимать или сознательно не желать видеть то, что видеть нужно.

Язык «революционных демократов» (sic! *Н. Б.*), как видим, был мало похож на шепелявый и контрреволюционный язык старого «глупого софиста» Каутского!

Итак, по отношению к Французской революции: Каутскому нужно вести свою родословную не от «революционных демократов», а в лучшем случае от контрреволюционных жирондистов, не от «Горы», а от «Жиронды». Это—первый вывод: не суйтесь, милостивый государь, в ряды великих демократов и подальше держите свои руки!

В свое время Г. В. Плеханов, человек, бесконечно более талантливый, чем К. Каутский, пророчески предсказал распадение социализма на «Гору» и «Жиронду», когда дело дойдет до настоящей революции. Плеханов писал:

> В свое время Г. В. Плеханов, человек, бесконечно
> шей борьбой Горы с Жирондой. Если эта борьба не помешала французским революционерам дать хороший отпор общему врагу, то это значит, что об'единение революционеров не составляет необходимого условия их успеха. А если принять во внимание еще и то, что победа монтаньяров над жирондистами удесятерила силу сопротивления революционной Франции, а примирение этих двух партий, наверное, очень ослабило бы ее, то выходит, что в революционном деле добрая ссора иногда бывает лучше худого мира...»[1]).

Все это Плеханов писал по поводу речи Вандервельде о необходимости единства среди социалистов.

Предсказание осуществилось полностью и целиком. И поэтому мы были вынуждены бороться с, так-называемыми, «социалистическими» партиями (на самом деле контрреволюционными мелкобуржуазными организациями) не только «духовным оружием».

Мы должны поставить и этот вопрос, ибо сейчас увидим, как попадается Каутский, как путается несчастный контрреволюционер в своих жалких софизмах, как преступно-легкомысленно относится он к фактам, какое позорное невежество и бесстыдство он обнаруживает в вопросах жизни и смерти пролетарского движения.

Главным аргументом против нас он считает преследования «социалистов» (т.-е. меньшевиков и эсеров), а равно

---

[1]) «Заря», № 1, стр. 231 и сл.

террористический режим в целом. «Ужасы Чрезвычайки» и прочее—это тот «незыблемый фундамент», на котором покоятся все дальнейшие рассуждения Каутского.

«Уже с 1903 года,—пишет этот герой,—они (т.-е. большевики) оправдывали, совершенно в духе Нечаева, ложь, обман, насилие против своих бывших партийных друзей (!!—*Н. Б.*). Все это гигантски усилилось с тех пор, как они захватили власть, благодаря тому, что они направили свои пулеметы, без всяких колебаний, против меньшевиков и социал-революционеров, которые имели большинство в Учредительном Собрании»[1]).

Большевистский режим «основан на насильственном порабощении масс и не может отказаться от этих насилий. Он должен их все более обострять»[2]).

Итак, мы захватили власть потому, что выгнали эсеров и меньшевиков из Таврического дворца. А эти эсеры и меньшевики опирались на большинство учредилки и, следовательно, большинство народа. Мы же—кучка террористических насильников, которых нужно смести с лица земли.

Хорошо. В котором году было проделано это «величайшее насилие» над учредилкой? Знает об этом Каутский?

Это было в январе 1918 года.

А что, он, Каутский, пишет в своей брошюре на других страницах?

Послушаем.

Вот, напр., мы на стр. 56 узнаем, что Каутский и К° были против иностранной интервенции (он пишет: «wir», т.-е. «мы»). Это автор мотивирует так:

«Мы отклоняли ее уже только потому, что она предпринималась тогда со стороны реакционных правительств против режима, который в то время был еще революционным. Она таким образом означала войну реакции против революции» (курсив наш. *Н. Б.*)[3])

На стр. 48 мы, к своему удивлению, читаем:

«Теперь дело обстоит иначе, чем в 1920 году, ко времени войны с Польшей. Тогда большевистский режим в России имел за собой еще большие массы рабочих и крестьян, с их энтузиазмом (grosse Massen von Arbeitern und Bauern begeistert hinter sich). Теперь (в 1925 году-то!!!—*Н. Б.*) он повсеместно натыкается на их ожесточеннейшее сопротивление, которое вспыхивает каждую минуту в местных восстаниях»[4]).

---

[1]) Kautsky, l. c., S. 14—15.
[2]) Ibid., S. 17.
[3]) Ibid., S. 56.
[4]) Ibid., S. 48.

Но что отсюда следовало бы (если бы все утверждения Каутского были правильны)?

Во-первых, отсюда сделовало бы, что эпоха террора как раз и была эпохой «большевистского энтузиазма» «широких масс рабочих и крестьян». Каутский так небрежно относится к фактам, что он не видит даже, как мало связаны у него концы с концами.

Когда начались «преследования социалистов»? Когда стал развертываться фронт гражданской войны и интервенции. Когда террор достиг своего наивысшего напряжения? В 1919 году, когда Колчак был в Сибири и на Урале, Юденич подходил к Петербургу, Деникин подходил к Москве.

Все это, значит, было до 1920 г., когда «большие массы рабочих и крестьян с энтузиазмом» поддерживали большевиков.

Как же это случилось, почтенный ренегат, что был этот энтузиазм (Begeisterung) по отношению к «палачам», «палачество» которых как раз незадолго перед тем достигло наивысшего напряжения? Ответ ясен: это случилось потому, что террор был орудием широких масс рабочих и крестьян против белой гвардии. Террор был орудием революции в ее оборонительной войне против реакции. В каких же дураках остается Каутский со своей злобой! Пусть судит об этом читатель.

Второе. Интервенция была, по Каутскому, борьбой реакции против революции. Но «интервенты», ведь, поддерживали русских генералов и проч., боровшихся против Красной армии Советов. Значит, и этих генералов Каутский все же согласен сопричислить к реакции, которая хотела раздавить революцию. Не так ли?

Теперь спросим себя (и Каутского тоже): имела ли право «революция» всеми мерами (а не только «духовными») бороться против «вооруженной реакции»?

Как-будто бы да.

А теперь пойдем дальше. Известно ли Каутскому, что «социалисты» прямо и непосредственно шли в блоке с «интервенционистами»? Мы оставляем пока вопрос о меньшевиках с их скользкой позицией. Но известно ли Каутскому, что партия социалистов-революционеров, имевшая наибольшее количество голосов в любезном Каутскому Учредительном Собрании, прямо шла в блоке и с иностранными государствами, и с русскими генералами? Она брала деньги у иностранных государств, вела вооруженную борьбу с советскими войсками в недрах интервенционистских войск; она находилась в постоянной связи с иностранными консулами, по их директивам устраивала заговоры, восста-

ния, террористические покушения. Ведь, все это доказано. Ведь, как можно отрицать факты? Что же, с.-р. Лихач не сидел в архангельском правительстве? Эсеры не вели борьбу на Волге с нашими войсками? Эсерка Каплан не стреляла в Ленина? Цека эсеров не готовил еще покушений? Не был в связи с Нулансом? Эсеры не имели белого «Административного Центра», откуда давали и деньги, и директивы на организацию борьбы?

Или, быть может, Каутский скажет, что эсеры сражались вместе с Красной армией против войск реакции? Пусть попробует! Мы публично предлагаем Каутскому оспорить факты, достаточно всем известные.

А теперь спросим: если в войне реакции с революцией (формула самого Каутского) «социалисты», имевшие большинство в Учредительном Собрании, стали на сторону реакции, то что же должна была делать революция?

Она, милостивый государь, должна была делать с этими «социалистами» то же, что монтаньяры делали с жирондистами.

Так и поступала партия «пролетарских якобинцев», партия большевиков.

Каутский не только запутался, но и обнаружил поразительное невежество. Не зная дат, не зная основных фактов, имея в чернильнице лишь слюну бешеной собаки, трудно, конечно, выдумать «научные аргументы»...

Теперь мы хотели бы сказать несколько слов по поводу общей линии развития и соотношений между классами в нашей стране. По Каутскому выходит, что в 1918, 19, 20 годах за нашей партией и за советской властью шли большие массы рабочих и крестьян, а теперь за нами нет никого, теперь повсеместно вспыхивают восстания и т. д.

Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с фактическим положением вещей в нашей стране, увидит, прочитав эти строки, какой зеленый вздор городит под видом «научных аргументов» софист Каутский.

Всякий, знакомый с фактами, знает, что именно 1918 и 1919 годы были самыми тяжелыми годами, что именно тогда крестьянство колебалось больше всего, что именно на этот период падают местные восстания вандейского характера. И тем не менее в общем и целом оба класса — и рабочие, и крестьяне — действительно с энтузиазмом защищали, босые и голодные, молодую советскую власть против блока иностранных интервенционистов, буржуа, помещиков, генералов, кадетов и... «социалистов»-учредиловцев.

Всякий, знакомый с фактами, наконец, знает, что теперь говорить о «восстаниях» может только человек, не

имеющий никакого соприкосновения с реальной жизнью нашей страны. Никогда пролетариат не имел такого доверия к нашей партии, как сейчас. Никогда крестьянство в своей массе не было так «советски» настроено, как в настоящее время. Никогда советская власть не была так внутренне прочна, как в данный момент. И никогда не было так мало репрессивных воздействий, как в текущий период нашей жизни.

Если бы господин Каутский потрудился поучиться; если бы он взял источники, стал их проверять; если бы он потрудился читать груду материалов, имеющихся и за границей, то он не мог бы за один мах натворить столько бессмысленнейших «легенд», сколько он их натворил на протяжении одной небольшой брошюры.

Мы переходим все быстрее на точку зрения «революционной законности». Что это—вовсе не один агитационный лозунг, а действительная, проводимая в жизнь, политическая линия нашей партии и советского государства, это видит всякий, кто следит за нашим законодательством, за судебной практикой, за выборными кампаниями в советы, и так далее, и тому подобное. Но разве Каутский изучает документы, роется в книгах, учится читать по-русски? Зачем ему все это?! Это ведь какие-нибудь утописты в роде Маркса или Энгельса чудачили и учились языку народа, который «дальше от Европы и ближе к Татарии». У просвещенного Каутского найдутся другие «научные аргументы»: знакомые эсеры, меньшевики, «русские вообще», грузинские князья и дворяне, которые всегда с величайшей готовностью будут присылать Каутскому копии тех же документов, какие они рассылают сильным мира сего.

Когда-то Каутский возмущался буржуазными историками, оплевывавшими с усердием и таборитов, и монтаньяров, и левеллеров. Теперь он буквально слово в слово повторяет эту грязную идеологическую стряпню по отношению к партии революционного пролетариата. Он обвиняет нас во всех смертных грехах, даже в социализации женщин (тоже «ученый аргумент» на основе какого-то паршивого полицейского документа). И он воровато прячет от своих читателей те бесконечные преступления против народа, которые были совершены иностранными войсками, белой гвардией и «социалистами».

Начиная с 18 года Каутский писал против нас свои гадости. Теперь, задним числом, он говорит о большевистском энтузиазме в *1920 году*. Но зато он возмущается настоящим. Поживем—увидим, что потом и здесь (только задним числом) будет все сказано «совсем наоборот». Ибо не об'ективное «познание» важно для Каутского. Ему нужно максимально напакостить пролетарскому режиму. И с этой

он старается изо всех сил: небо снова как-будто покрывается тучами, и нужно еще раз основательно выслужиться перед буржуазией. Разве вы, читатель, не знаете, что это и называется «Weg zur Macht» («путь к власти»)?..

IV. Пролетариат, государство, партия.

Большевики,—утверждает Каутский,—
«с самого начала не стремились к тому, чтобы пролетариат освобождал сам себя. Они считали пролетариат неспособным на это. Он (по их мнению. *Н. Б.*) годится только на то, чтобы в качестве слепого орудия следовать за своими, небом избранными, вождями, большевиками, которые приведут его в рай.

Это последнее ожидание улетучилось, но их (большевиков. *Н. Б.*) недооценка пролетариата (Geringschätzung des Proletariats), оценка его как простого пушечного мяса для большевистской власти—осталась»[1]).

Разберем, прежде всего, это «положение» Каутского, который имеет, ну, скажем... «смелость» выступать перед всеми в своей убогой старческой наготе.

«Недооценка пролетариата». «С самого начала (?!)» большевики не стремились к тому, чтобы пролетариат освобождал сам себя». Какие уши нужно иметь для того, чтобы издавать эти великолепные речения!

Автору «научных аргументов», по всей вероятности, известно, что именно большевики защищали до конца идею гегемонии пролетариата в нашей революции. И эту идею они утвердили и воплотили в жизнь, ведя непрестанные, упорные, систематические бои с «жирондистскими» социалистами: «экономистами», меньшевиками, народниками всех родов, в том числе, и в первую очередь, с эсерами.

Что составляло ось спора большевиков с оппортунистами? Каутскому невредно было бы вспомнить об этом; ведь когда-то не кто иной, как он сам, своей собственной персоной, писал брошюру о «движущих силах («Triebkräfte») русской революции», где теоретически вплотную подходил к большевистской позиции против меньшевиков. Не вспомнит ли Каутский, о чем шла тогда речь?

Мы охотно ему напомним: речь шла о различном отношении к либеральной буржуазии и вместе с тем о различной оценке роли пролетариата.

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 25.

В чем же было существо разногласий? В том, что меньшевики рассматривали пролетариат, как силу, «подталкивающую» своего либерального союзника; большевики же решительно отвергали такую оценку либерализма, считали либеральную буржуазию контрреволюционной силой, полагали, что пролетариат должен не «толкать» буржуазию, а, идя во главе революционного крестьянства, активно с ней бороться, разоблачать, бить...

Излишне говорить о народниках, которые вообще никогда не понимали «исторической миссии пролетариата» и лишь издевались над ней.

Кто же, о, богоравный «ученый» муж, недооценивал пролетариат? И не ваши ли теперешние коллеги считали (и считают его) пушечным мясом либеральной буржуазии?

Но подождите: это еще не все. Каутский, как известно, писал не только брошюру о движущих силах русской революции, Каутский заменил также положение Маркса о диктатуре пролетариата положением о коалиционном правительстве с буржуазией.

Каутский проделывает эту теоретическую (имеющую и громадные практические последствия) измену марксизму совершенно цинично, среди бела дня.

> «В своей знаменитой статье «К критике социал-демократической партийной программы» Маркс говорит:
>
> «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения одного в другое. Этому соответствует также и политический переходный период, государство которого не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата».
>
> Эту фразу мы теперь, на основе опыта последних лет, можем по отношению к вопросу о правительстве изменить таким образом:
>
> «Между временем чисто-буржуазно и чисто-пролетарски управляемого государства лежит период превращения одного в другое. Этому соответствует и политический переходный период, правительство которого по правилу будет иметь форму коалиционного правительства» [1]).

Это пишет Каутский в комментарии к новой программе с.-д., где бывшие марксисты целиком сдали свои позиции открытому и наглому, теперь господствующему в рядах с.-д. ревизионизму.

---

[1]) K. Kautsky. Die proletarische Revolution und ihr Programm. Stuttgart, Dietz. 1922. S. 106.

Здесь, пожалуй, уместно вспомнить, что писал в комментариях к программе российской социал-демократии Г. В. Плеханов:

«Что же изменилось с тех пор,—спрашивает Плеханов,—как знамя общественного прогресса перешло из белых рук буржуазии в мозолистые руки пролетариата? Почему диктатура, бывшая полезной и необходимой в руках одного класса, стала ненужной и нецелесообразной в руках другого? Изменилось только отношение буржуазии к общественному прогрессу. Прежде она защищала его и была проникнута революционными стремлениями; теперь она противится ему и как огня боится всего, что носит на себе печать таких стремлений. Поэтому ее идеологи, некогда так красноречиво рассуждавшие о «войне классов» и о революционной роли силы, теперь так вкрадчиво толкуют о «социальном мире» и о бесполезности классовой диктатуры для «решения социального вопроса». Но «что враг советует, то верно худо». Если против мысли о диктатуре пролетариата восстают защитники нынешнего общественного порядка и находящиеся под их влиянием мелкобуржуазные «критики» Маркса, то это происходит именно потому, что эта диктатура представляет собою необходимо политическое условие социальной революции»[1]).

«Критик» Маркса Карл Каутский тащит на поводу пролетариат для того, чтобы заниматься сводничеством с буржуазией, подменяя этим сводничеством дело мужественной пролетарской диктатуры...

Когда, «с самого начала», большевики призывали к гегемонии пролетариата, они «недооценивали» рабочий класс. А когда меньшевики тащили его под хомут либеральной буржуазии, они, конечно, «высоко ценили» пролетарские силы.

Когда большевики боролись за пролетарскую диктатуру, тогда они «недооценивали» рабочий класс.

А вот когда меньшевики стояли за коалицию, они «глубоко веровали» в мощь пролетариата.

Когда большевики в ответ на империалистскую войну звали рабочих к войне гражданской, они «недооценивали» самостоятельность пролетариата, они делали его «пушечным мясом» своих вождей.

А вот когда социал-демократы звали пролетариев разбегаться по своим национальным куткам, гнить в траншеях во славу своих буржуазных правительств, резать друг дру-

---

[1]) Плеханов, сочинения, т. XII, «Комментарий к проекту программы Р. С.-Д. Р. П.», стр. 227.

га по патриотическим мотивам,—вот это значило вести борьбу «за освобождение пролетариев их собственными руками».

И так далее, и тому подобное.

Таких примеров можно привести тысячи. Партия Каутского превращала, превращает и будет превращать пролетариат в пушечное мясо для буржуазии. И поэтому она кричит и вопит против тех, кто хочет отвоевать пролетариат от социал-демократических обманщиков. Именно социал-демократическая клика вождей преследует свои цели, цели порабощения пролетариата буржуазией. Это на 100 проц. доказал опыт последних лет, от начала войны до цанковского террора против коммунистов включительно.

И после всего этого у Каутского поворачивается рука, чтобы писать о недооценке роли пролетариата? Какая моральная низость нужна поистине для того, чтобы быть теперешним Карлом Каутским!..

Именно большевизм наиболее высоко ценит пролетариат, «верит» в его массовую силу, в его творческие способности, в его руководящую роль, в его диктатуру. И именно меньшевизм всех родов принижает пролетариат, заставляет его служить буржуазии, служит сам «проводником буржуазного влияния на пролетариат». Таков первый вывод.

Но буржуазия и ее полиция, ее шпионы и ее публицисты уже давно усвоили себе один «высокомудрый» демагогический прием; когда они видят, что создается партия—пусть даже маленькая,—которая опасна их режиму, они пробуют говорить рабочим: вот «вожаки» хотят использовать вас как пушечное мясо...

Так поступает и Карл Каутский, теперешний охранитель священных устоев капитализма, певец Лиги Наций, Пиндар английской «демократии», ненавистник большевиков.

Но постараемся разобрать и этот аргумент («научный», разумеется, отнюдь не полицейский—боже сохрани!).

Итак, ответ по вопросу об общей оценке пролетариата мы дали.

Каутский, однако, пишет, что большевики

> «... с самого начала не стремились к тому, чтобы пролетариат освобождал сам себя».

Что означает эта, на первый взгляд, невинная фраза? Какой смысл она имеет?

Должно ли происходить дело так, что пролетариат «освобождает сам себя», а его партия стоит в стороне, хлопает в ладоши, если пролетариат «освободил сам себя», горюет и плачет, если это не удалось?

Так что ли должно происходить дело?

Разумеется, такое представление было бы вздором. Теоретически ошибка сводится здесь к тому, что партия про-

тивопоставляется классу, представляется величиной, или силой, стоящей вне рядов своего класса, где-то сбоку, в стороне. Между тем партия есть передовая часть класса, именно та его часть, наличие которой и превращает пролетариат из «класса в себе» в «класс для себя». Поэтому постановка вопроса, предполагающая такое «самоосвобождение» рабочего класса, которое исключает активнейшую роль партии именно в этом процессе, есть постановка вопроса нелепая, внутренне-противоречивая, антимарксистская.

С другой стороны, если партия не исключается из этого процесса, если она не противопоставляется рабочему классу, если она включается, как составная часть этого последнего, то возникает вопрос: какова ее роль?

И на этот вопрос ответ (если не сходить с почвы марксизма) может быть только один: роль партии есть руководящая роль, роль вождя.

Казалось бы, это ясно, как божий день. Тот же Плеханов (мы нарочно ссылаемся именно на него) в своих, уже цитировавшихся нами, комментариях к программе писал:

> «Заботливо и не без «ортодоксального» умысла оттенили мы в нашем проекте роль социал-демократии, как передового отряда (наш курсив. *Н. Б.*) рабочей армии и вместе ее руководителя (наш курсив. *Н. Б.*)... С точки зрения правильно понятого марксизма все это разумеется само собою. Но «критическая» смута и сюда напустила густого тумана, благодаря которому русские социал-демократы «экономического» направления вообразили, будто обязанность социал-демократии состоит не в том, чтобы безустанно и как можно скорее двигать вперед классовое самосознание пролетариата, а единственно в том, чтобы выражать то, что уже сознано им без какой бы то ни было помощи со стороны «революционной бациллы». Не совершая самоубийства, социал-демократия никогда не может согласиться на эту смешную и позорную роль пятого колеса в телеге»[1]).

«Густой туман», или, вернее, целые облака ядовитых газов, пускает теперь «критик» Маркса К. Каутский, пускает для того, чтобы замазать, затуманить, запутать ясный вопрос о соотношении партии и класса. Как это делается? Очень просто.

Если партия руководит классом, то, в известной степени, в условном смысле, она стоит над остальной частью пролетариата. С другой стороны, всем известно также, что и эксплоататоры стоят над пролетариатом. Стоит теперь

---

[1]) Плеханов, l. c., стр. 228.

поставить знак равенства между этими двумя предлогами «над»—и дело готово, вывод тут как тут: партия равна эксплоататорам, большевики стоят «и над капиталом, и над рабочим классом» и т. д., и т. п.

Правда, этакое рассуждение можно приложить к любой партии, к партии вообще. Но об этом предпочитают молчать: ведь нужно подорвать значение большевиков, а вовсе не «любой партии».

Разгадка вопроса по существу не представляет ровно никакого затруднения. Ошибка вышеприведенных рассуждений заключается в том, что слово «над», употребляемое в двух совершенно разных смыслах, берут именно в одинаковом значении.

Энгельс на могиле Маркса говорил, что со смертью этого гениального вождя человечество стало ниже на целую голову. Маркс стоял в этом смысле, т.-е. в смысле своего умственного превосходства, над другими людьми, в том числе и над пролетариатом. Поэтому он был вождем его. Но только сумасшедший может сказать, что это «над» выражает то же отношение, какое существует между капиталистом и рабочим. Капиталисты есть другой класс по отношению к пролетариату. Партия пролетариата есть часть класса, и ее «высшая» (руководящая) роль никакого отношения эксплоатации не выражает: она выражает отношение руководства.

Но понятно, что враги рабочего класса метят в голову пролетариата, в его передовой, руководящий отряд; уничтожить его, значит обезглавить класс; до тех пор он будет неспособен к правильной классовой борьбе, пока у него снова не «отрастет» голова, т.-е. не выделится и не сорганизуется революционный авангард, его классовая партия, его руководитель и вождь.

Вопрос делается кристально-ясным, если мы возьмем не вождей пролетариата, а вождей буржуазии. Никому не придет в голову утверждать, напр., что г-да Ллойд-Джорджи или Чемберлены и т. д. угнетают, эксплоатируют и пр. буржуазию. Никому не приходит в голову кричать: диктатура партии, а не класса, диктатура Чемберленов, а не буржуазии и т. д.

А вот по отношению к нашей партии именно эта бессмыслица и говорится Каутским и К°. Почему это говорится,—вопрос другой: это очень полезно буржуазии...

Класс пролетариев в целом—это не то, что его государственная организация, понимаемая, как аппарат; государственная организация (диктатура)—это не то, что организация партии. Но партия руководит государственным аппаратом, который, в свою очередь, является широчайшей орга-

низацией класса. Без руководства партии не могла бы существовать и пролетарская диктатура. Без руководства со стороны партии немыслимо и самоосвобождение класса.

Конечно, положение партии пролетариата, который стал у власти, таково, что есть постоянная опасность отрыва партии от класса, ее бюрократизации, ее вырождения, окостенения и т. д. Наша литература весьма подробно разбирала этот вопрос. Наша практика постоянно выдвигала, как одну из центральных своих задач, задачу борьбы с бюрократизмом. Теоретически, конечно, возможно перерождение части партии, слияние ее с нэповской буржуазией и спецами, образование нового класса капиталистов из «выходцев снизу». К этому толкают нас меньшевики, Каутские и т. д., требующие возврата к «здоровому капитализму». Но на это никогда не пойдет наша партия, все более и более утверждающая свои позиции, как единственная революционно-пролетарская партия нашей страны. Каутский не потрудился изучить ни одной области нашей общественной жизни, не обнаружил ни малейшего желания проверить те или другие сведения. Это ведь вовсе не требуется для «услужающих» буржуазии! Зато он выбрасывает целые тонны квалифицированного лганья и отборной клеветы.

> «Его (большевизма) режим попадает в растущее противоречие с интересами народных масс; он все более вынуждается к тому, чтобы опираться на штыки и палачей. Иначе не может править маленькое меньшинство, которое обрушивает страну в растущую нищету»[1]).
>
> «Этот режим теперь является уже не только врагом всех небольшевистских партий, он стал опаснейшим врагом самого пролетариата. Пролетариат в России приговорен к растущему бессилию и невежеству»[2]).
>
> Большевики преследовали цель «не просвещения пролетариата, а его низведения до роли своего слепого орудия»[3]). Рабочий класс в «России» «впадает в глубокую апатию, разочарованный и обозленный»[4]).

Мы собрали нарочно этот душистый букет с полей нашего «критика», чтобы трудящиеся нашей страны видели, во что превратился Каутский. А для наших заграничных

---

[1]) K. Kautsky. Die Internationale und Sowjet-Russland, S. 14. Курсив наш.
[2]) Ibid., S. 11. Курсив наш.
[3]) Ibid., S. 26.
[4]) Ibid., S. 30.

товарищей по классу, хотя бы и таких, которые еще идут за социал-демократией, мы противопоставим голым утверждениям Каутского ряд цифр и ряд фактов. Ибо факты—«упрямая вещь», как любил говаривать тов. Ленин.

Каутский утверждает, что влияние коммунистов все падает.

Факты говорят, что это влияние все растет. Каутский, например, ни слова не говорит о «ленинском призыве». Между тем, в неделю «ленинского призыва» в партию вступило около 200.000 рабочих, а вскоре еще 55 тысяч, при чем резко изменился процент «рабочих от станка» в нашей партии, повысившись до 40% [1]).

Число членов партии непрерывно растет и в 1925 году. По данным статистических отчетов парткомов, число членов партии за три первые месяца 1925 г. увеличилось на 64.233, число кандидатов—на 41.815. Общее число членов партии (с кандидатами) выросло до 850 тыс. человек, при непрерывном увеличении рабочего ядра [2]). Не правда ли, как все это «похоже» на росказни Каутского? Не правда ли, как это «подтверждает» рост рабочей «ненависти» к коммунистам, «апатии», «озлобления» и прочих вещей?

Берем Комсомол, организацию юношества, непосредственно примыкающую к партии. Имеем такие цифры:

1922 г., октябрь (V с'езд) . .	206.000	членов
1923 „ январь	303.944	„
1924 „ „	500.700	„
1925 „ „	1.140.706	„
1925 „ апрель	1.432.608 [3])	„

А к настоящему времени число членов перевалило за полтора миллиона! В самом деле, какая страшная «апатия»! Мы видим небывалый, бурный, совершенно исключительный организационный рост. А злобный колдун контрреволюционной социал-демократии на-крик кричит об «апатии». Факты—одно, Каутский—другое. Тем хуже, очевидно, для фактов.

Возьмем детское движение трудящихся, движение «юных пионеров» и «октябрят», целиком и полностью развивающееся под коммунистическим влиянием и руководством. В 1924 году оно только стало развиваться по-настоящему (1924 год был первым годом быстрого хозяйственного под'ема страны). К январю 1924 г. число пионеров было 161.349.

---

[1]) «Ленинский призыв РКП(б)». Сборник. Изд. 1925. Стр. 4 и 5.
[2]) Справка стат. отдела ЦК РКП(б). № 134.
[3]) «РЛКСМ в цифрах». Выпуск III, Москва. 1925 г. Табл. I и II (стр. 7).

За один 1924 год оно выросло, к вашему, г-н Каутский, сведению, в шесть раз! Оно стало захватывать и деревню, оно проникло в отдаленнейшие уголки страны, к нациям и народам, при буржуазном режиме не имевшим даже доступа к какой бы то ни было организации. Вот цифры роста движения:

	Число отрядов	Число пионеров	Число октябрят
На 1 янв. 1924 г.	3.000	161.349	—
„ 1 июля „ „	3.704	200.000	—
„ 1 окт. „ „	12.000	760.000	50.000
„ 1 янв. 1925 г.	19.814	1.000 032	100.325
„ 1 апр. „ „	25.866	1.299.519	? [1]

У этих пионеров имеется около 15.000 стенных газет, т.-е. из каждых 100 отрядов—74 издают газеты, % неграмотных всего—3,2 (вспомните, что речь идет о стране, где еще 8 лет тому назад стоял у власти царизм!).

Похожа эта картина на картину «озлобления» и «апатии», дикой борьбы против просвещения и на прочие плоды больного и расстроенного старческого воображения?

Возьмем профессиональные рабочие союзы. Уже значительное время тому назад мы перешли здесь к индивидуальному членству, в противоположность автоматическому об'единению в союз при системе военного коммунизма. Этот переход, однако, не только не выразился в уменьшении членов профсоюзов, а наоборот, привел к их росту. На 1 января 1924 г. % об'единенных в союзы пролетариев достигал 95,9 [2]), к V с'езду профсоюзов союзы об'единяли 4½ миллиона рабочих. Однако, уже VI с'езд констатировал увеличение числа членов (вместе с ростом индустрии) на целых 30%, и число членов перевалило за 6 миллионов [3]). Но какое до всего этого дело «ученому» Карлу Каутскому?

У нас возникла целая громаднейшая сеть рабочих и крестьянских самодеятельных и чрезвычайно живых ячеек, так наз., «советской общественности». Кипучая строительная работа вздымается так быстро, с такой энергией, что нехватает руководителей, советчиков, помощников. А Каутский... Да что Каутский! Разве он когда-нибудь поймет что-либо?

---

[1]) «Детское коммун. движение в цифрах», вып. II. Изд. стат. подотдела ЦК РЛКСМ. М. 1925.

[2]) «Професс. союзы СССР». Отчет ВЦСПС к VI с'езду профсоюзов. М. 1924, стр. 13.

[3]) «Задачи профдвижения и всесоюзный с'езд профсоюзов»; ст. Догадова: «Итоги и перспективы», стр. 8.

Вот, например, организации «рабочих корреспондентов» и «сельских корреспондентов» (рабкоров и селькоров). Число их росло тоже с поразительной быстротой. Насчитывалось:

	Рабкоров.	Селькоров.	Итого.
Март 1924 г.	32.570	24 800	57.370
Август „	43.200	57 500	100.700
Декабрь „	63.280	79.780	143.060 [1])

И рост этот продолжается теперь еще более быстрыми шагами. В связи с этим стоит появление на фабриках, заводах, шахтах, в избах-читальнях и т. д. стенных газет. Год тому назад их число выражалось в цифре 3.000, а теперь их многие десятки тысяч! [2]).

Знает ли Каутский, что у нас теперь разовый тираж газет доходит до 7½ миллионов, до 5 миллионов ежедневный (против 2½ миллионов довоенного времени)? Конечно, он об этом и не слыхал.

Рабочие шефские общества, прообраз слияния городской культуры с деревней, совершенно новое бытовое явление, насчитывают теперь свыше миллиона членов. Скажите, в какой стране рабочий класс осознает настолько свою культурно-революционную роль по отношению к деревне? 4½ миллиона членов МОПР, 2½ миллиона членов ОДВФ, 1½ миллиона членов Доброхима, общество «Друзей радио», «безбожников», «Руки прочь от Китая», «Друзья детей» (свыше миллиона членов) и бесконечный ряд других организаций, кружков, об'единений,—все это, конечно, доказательства «глубокой апатии»,—не так ли? Крестьянские о-ва взаимопомощи, растущая кооперация, советы с их комиссиями, беспартийные конференции, колоссальная роль Красной армии, как школы и великого пропагандиста, работа «женотделов» и связанных с ними организаций, и так далее и тому подобное,—разве знает об этом что-либо стреляющий по советской власти Карл Каутский?

Тысячи рабочих и крестьянских детей проходят — впервые в истории—через высшие учебные заведения. Но что знает об этом Карл Каутский, ренегат социализма?

Весь период, через который проходит наша страна, является периодом неслыханно-напряженной организационной

---

[1]) См. сборник «Наша печать». Изд. Гос. инст. журналистики. М. 1925.

[2]) Там же, стр. 31. См. также «Итоги и перспективы», стеногр. отчет 2-го всесоюзного совещания рабкоров, селькоров и т. д. при «Правде».

работы: с низов идут огромные массы, медленно поднимаются наверх, учатся, иногда перенапрягая свои силы; учатся на работе, учатся в партии, учатся в школе, учатся на великом опыте жизни. Конечно, наследие варварства так необ'ятно велико, темнота была так черна, разорение от войны, блокады, интервенции так огромно, что мы выползаем не сразу из трясины. И не гладко проходит процесс самого под'ема, не без внутренних трений, не без уклонов, даже иногда не без частичных внутренних конфликтов. В противоречиях мы развиваемся и растем. Но мы растем, растет наш класс, ставший руководителем всего общества. Бесчисленные организации группируются около кооперации, профсоюзов, комсомола, советов, партии. В разнообразных сочетаниях между собой, в разной связи, переплетаясь и связываясь, строят они новое общество, шаг за шагом вытесняя старые формы: в политике, в экономике, в культуре и науке, в быту. И всем этим организациям сообщает единство воли авангард рабочего класса, наша великая (великая, господин Каутский!) партия!

Никогда еще не было государственной формы, которая так бы раздвигала рамки действительной демократии для трудящихся, т.-е. обеспечивала бы им реальное вовлечение в процесс общественного строительства, как советская форма государства. И никогда еще не было такой громадной и концентрированной силы, которая бы с таким напором толкала широкие массы вперед, вела их, будила, звала вперед, как наша партия.

Наши язвы мы отлично видим. Но мы видим, как двигается вперед человеческая лавина. И мы знаем про свою партию: «есть нашего меду капля в этом величайшем историческом процессе».

V. Советский режим и экономика страны.

Мы должны перейти теперь к разбору тех удивительных тезисов, которыми Каутский угощает мир, когда говорит об экономическом положении Союза. Чтобы понять результаты каутскианских «исследований», «критических замечаний» и просто ругательств, необходимо иметь в виду некоторые методические, вводящие предпосылки, которые являются характерными для Каутского. Эти предпосылки «критик» изложил в следующем своем замечательном «декрете»:

«Примерно должно быть правилным утверждение, что три четверти того, что рассказывается миру о Рос-

сии,—лганье. Но это не нужно понимать так, как представляют дело большевики, а именно, что все, сообщаемое их противниками, лживо, и все правильно, что они рассказывают сами. Можно принять, что из сведений (Berichten), изображающих положение России в мрачных красках, половина лжива, а другая половина правильна. Но, с другой стороны, по сути дела почти все неправильно (so gut wie alles unrichtig ist), что имеется из розовых рассказов «очевидцев» [1]).

Итак, Каутский заранее считает ложью все хорошее, что получается о советской стране, в качестве компенсации предлагая признать половину плохого тоже ложью. В итоге остается другая половина, воплощение истины. Но эта «истина» должна быть черной, как ночь.

Разубеждать Каутского в том, что его нехитрая арифметика представляет субстанцию истины, вряд ли стоит. Но для читателей все же нужно подчеркнуть хвастливую и насквозь бесчестную теоретическую наглость этого господина. В самом деле, откуда он пришел к таким выводам? Где он обнаружил хоть какое-нибудь знакомство с фактическим материалом? Не в своих ли утверждениях о социализации женщин? Не в своих ли ежедневных «марксистских» предсказаниях о неизбежной скорой гибели большевиков, предсказаниях, которыми он занимался наряду со всеми прочими белогвардейскими астрологами, сочинявшими гороскоп советской власти из своей собственной классовой злобы?

В конце концов ведь не что иное, как практика, служит критерием истины. Каутский даже тогда, когда, по его же (теперешним, правда!) словам, за большевиками был энтузиазм рабочих и крестьян, писал свои злобные статьи и книжонки, предсказывая «моментальную смерть» советской власти. Чем он в этом отношении отличался от белых публицистов всех мастей? Ровно ничем. Оттого Каутского поднимают на щит герои белой эмиграции. Но это ведь вряд ли может возместить другой важный факт: факт скандального провала белогвардейско-каутскианских предсказаний...

Но переходим к самой теме. Каутский, конечно, не преминул напасть на нас с самого начала, ab ovo, «gründlich». Мы извиняемся перед читателем за длинные бредовые выписки, но мы вынуждены сделать это, чтобы всем был прежде всего показан этот бред.

«То, что проделали большевики своими конфискациями, то прекрасно провели буржуазные правительства

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S 27.

вне России путем инфляции. Ни одно немецкое правительство не практиковало более усердно подобного рода конфискаций, чем самое буржуазное из них, а именно правительство г-на Куно.

Социал-демократы протестовали как против ленинской, так и против куновской формы конфискации. Не потому, что для нас капиталистическая собственность священна, а потому, что каждый из этих двух методов конфискации в высокой степени нецелесообразен, даже, наоборот, вредоносен. Беспорядочная (wahllose) конфискация без выкупа (ohne Entschädigung) грабляет, как и инфляция, различнейшие классы, совершенно слепо, без оглядки на последствия; она грабит бедных вдов и сирот так же, как и высокомерных финансовых магнатов. Она создает возможности вытягивать новые неизмеримые прибыли за счет горькой нужды. Она конфискует всякое владение (Besitz), которое становится ей поперек дороги, без взвешивания того, пригодно это владение для конфискации или нет. И она производит чудовищный хаос в производственном процессе, хаос, который парализует всю экономику страны.

Только тогда, когда тщательно выискивают об'екты, которые должны быть социализированы, и долги, которые должны быть аннулированы, только тогда, когда их устанавливают путем закона; когда вознаграждают владельцев, по крайней мере, тех, которые находятся внутри страны, и облагают сумму вознаграждения прогрессивным поимущественным налогом,—только тогда может произойти превращение частного владения во владение общественное таким способом, коим будет достигнуто как раз то, что имел в виду законодатель»[1]).

Да, есть чему поучиться у старого Каутского!

Итак, большевистская конфискация фабрик, заводов, помещичьей земли и куновская «конфискация»—это одно и то же!

Читаешь и глазам не веришь.

Что дала политика инфляции в Германии? Невероятное обогащение Стиннесов и К°, которые, пользуясь инфляцией, наложили руку на «реальные ценности».

Что дала политика наших конфискаций? Наши отечественные Стиннесы (Путиловы, Рябушинские и проч.) всё потеряли.

Не правда ли, как это похоже одно на другое?

Раньше говорили: «Чернь не различает» (vulgus non distinguit).

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 36—37.

Теперь нужно сказать: «чернь» (пролетарская) прекрасно «различает», а вот «ученые» господа Каутские потеряли всякую способность отличать, отличать не то что оттенки (это дано не всякому), а различать вещи, прямо противоположные.

Второе замечание. Каутский, оправдывая протесты против инфляции и конфискации, отводит подозрения в излишней приверженности к священной капиталистической частной собственности. Но разве Куно посягал на нее? Разве политика инфляции передавала хоть кусочек капиталистической частной собственности в руки другого класса?

А вот про «ленинскую» конфискацию уже никак нельзя сказать, чтобы она оставила крупную собственность у тех классов, которые ею владели. Ни помещики, ни капиталисты ее не удержали.

И здесь у Каутского, «марксиста», социал-демократа, нет ни намека на классовое содержание политики. И это называется «анализ»!..

Третье замечание. Как там ни говори, но даже абсолютно тупые люди знают, что в нашей стране, в СССР, конфискация помещичьей земли, фабрик, рудников и банков привела к их огосударствлению (национализации), тогда как инфляция г. Куно никакого огосударствления (даже буржуазного) с собой не привела, а частный капитал, Стиннесов и К°, обогатила. Но даже этого не понимает Каутский!

Четвертое замечание, дающее, быть может, ключ к злоключениям Каутского. «Ученый» сей думает, что «беспорядочная конфискация грабит все классы, одинаково и «финансовых магнатов», и «бедных вдов и сирот» («классовая» терминология прямо во вкусе блаженной памяти Евгения Рихтера!). Предположим, что это так. Итак, все классы являются об'ектами ужасного ограбления. Но кто же, в таком случае, «грабитель»? Очевидно, сей «грабитель» должен быть внеклассовым. Что же выходит? А выходит, например, то, что «самое буржуазное» (слова Каутского) правительство г-на Куно есть сверхклассовая величина, которая парит над всеми классами, как дух божий над бездной. Замечательно!

Пятое замечание — и последнее по счету, но не по важности. Г-н Каутский осмеливается поучать нас, как нужно превращать частную собственность в собственность общественную. Он сразу наливается важностью, как индюк, синеет и краснеет от «учености», распускает хвост и начинает расписывать: сперва выбирайте об'ект, потом устанавливайте законно этот об'ект, потом платите капиталистам, потом их за это прогрессивно облагайте и тогда... о, тогда капиталисты будут сидеть смирно, охотно дадут социализи-

ровать свои имущества, и «без нарушения процесса производства» мы, как на санях при хорошей погоде, плавно в'едем в царство социализма.

Недурная картинка! Великолепная картинка! Идиллическая картинка! Прямо прелесть!

Но... но мы все же в праве спросить нашего стратега:

Милостивый государь! А разве вы не пытались действовать по с в о е м у плану? Не потрудитесь ли вы сообщить, как далеко успели вы продвинуться по пути к настоящему социализму методами архи-европейскими, архи-обдуманными, словом, архи-каутскианскими?

Об этом г-н К а у т с к и й умалчивает. И нетрудно догадаться, п о ч е м у он умалчивает.

В самом деле. Вспомним время, когда К а у т с к и й и К° были министрами.

Тогда не было «абсолютизма», диктатуры и прочих вещей, которые, по К а у т с к о м у, непригодны, ужасны, противсречат интересам масс и отдаляют от социализма. Тогда была к о а л и ц и я, самая хорошая, самая удачная, самая любезная К а у т с к о м у «форма правления».

И тогда К а у т с к и е проводили «социализацию». Была специальная «комиссия по социализации» (Sozial sierungskommission). Она не спешила, эта осторожная комиссия! Разве можно было поступать «по-большевистски»? Нет. Она выбирала «об'екты». И как выбирала! К а у т с к и й заседал там так много и так долго, что невольно напоминал собою известного академика князя Дундука из Пушкина:

В Академии Наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь.
Отчего он заседает?
Оттого, что.... есть.

Впрочем, «честь» ему вполне «подобала». И результатом творчества «комиссии» явились г р у д ы томов. Все «об'екты» были «выбраны»; были установлены законодательные предположения, сроки «социализирования», порядок, в котором должны быть произведены эти «законные», юридически и экономически обоснованные, акты «законодателя». (Вы помните, читатель, каким высоким стилем выражается экс-министр К а р л К а у т с к и й?). Словом, всё, как на шахматной доске: «Die erste Kolonne marschiert. Die zweite Kolonne marschiert».

В производственном процессе больших потрясений, правда, от этого не произошло. Даже, пожалуй, наоборот: ибо нужно было на старых, прочных, капиталистических

основах печатать добавочное количество книг: работа «комиссии по социализации» была,—не будем этого забывать,— весьма продуктивна.

Но зато произошло «потрясение» другого рода. Пока «социализаторы» судили да рядили, боясь тронуть волосок на буржуазной голове, буржуазия, генералы, офицеры не портили бумагу, а действовали. И вскоре вытащили ученых мужей за их длинные уши и лишили их высокого звания «законодателей». Но обладатели длинных ушей даже не пикнули: разве можно было нарушать «ход производственного процесса»?..

И теперь, после всего этого опыта, г-н Карл Каутский с ясным лбом говорит о преимуществах своей мирной, лояльной, коалиционной, комиссионной «революции»?! Давно мы так не смеялись, забавник вы этакий!

«Но ведь у вас, большевиков, ужасная нищета! Вы довели страну...» И т. д. Хорошо. Послушаем речи и на эту тему.

> «Но когда капиталисты и крупные землевладельцы были выкорчеваны (вот как! совсем как у правительства Куно, не правда ли? *Н. Б.*), действительные белогвардейцы отбиты, выяснилось, что простой грабеж владельцев, который понятен каждому разбойнику и вору, не есть социализм; выяснилось, что для построения последнего в большевистской России отсутствовали все предпосылки (alle Vorbedingungen), так что процесс производства все более застопоривался (stockte), нищета масс все увеличивалась по мере того, как укреплялась большевистская власть» [1]).

Упоминание о «ворах» и «разбойниках» мы уже цитировали в предыдущих главах (как жаль, что г-н Каутский не в этом месте проводит параллель с г-ном Куно! Впрочем, нельзя «нарушать ход производственного процесса»!). Но теперь мы должны еще раз остановиться на этой цитате, в ее расширенной форме, для того, чтобы указать на другие стороны дела.

Итак Каутский признает, что «действительные белогвардейцы» все же существовали и что они были «отбиты». С другой стороны, были «выкорчеваны» (ausgerottet) капиталисты и крупные землевладельцы. Отсюда, как будто бы, вытекает, что именно эти капиталисты и крупные землевладельцы (т.-е. помещики) составляли основной кадр тех «действительных белогвардейцев», которые были «отбиты».

Что их нападение было «отбито», это, повидимому, было хорошо, а не плохо.

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 9. Курсив наш.

Но почему оно было отбито, г-н Каутский?

Не потому ли, что были «выкорчеваны» помещики и капиталисты?

Не потому ли, что эти помещики и капиталисты были «ограблены»?

Стоит только поставить эти вопросы, чтобы сразу увидеть, в чем дело. Да, в труднейших условиях рабочие и крестьяне разгромили, несмотря на помощь интернациональной буржуазии, своих помещиков и капиталистов. И разгромили они их потому, что произведенные за это Каутским в чин воров и разбойников грудью отстаивали отнятое у помещиков и капиталистов: фабрики и землю.

И потому германский пролетариат не смог отбить своих помещиков и капиталистов, что он послушался господ Каутских, не трогал собственности своего врага, оставил ему все источники его могущества, а сам не сплотил своих рядов сознанием своего нового положения в стране. Каутский не вел себя, как «экспроприатор экспроприаторов» (на его теперешнем языке «вор и разбойник»). Он вел себя, как жалкий раб. Но в награду у него остается утешение: он не нарушил «процесса производства». Так делали и все его коллеги: вспомним, напр., как честно г. Эберт душил стачки на военных заводах. Но только при чем здесь, все-таки, социализм?..

Прав ли Каутский, что у нас одно время росла нищета масс и укреплялся советский строй? Да, прав. Было такое время (Каутский не видит, что оно уже прошло). Но вот если бы Каутский постарался добросовестно понять, в чем же тут дело; каким же образом могла укрепляться советская власть, несмотря на нищету масс; каким образом она, эта советская власть, в 1920 году (это признает и Каутский) имела даже за собой энтузиазм (Begeisterung) «воров и разбойников», то бишь рабочих и крестьян; если бы он постарался себе честно об'яснить, в чем же дело,—тогда он получил бы совсем другие ответы.

Рост нищеты. Да, мы имели ужасные годы, годы величайшей, чудовищной нищеты. Но почему забывает Каутский не то, что дать анализ, а в этой связи даже упомянуть об интервенции? Может ли хоть сколько бы то ни было серьезный исследователь, даже просто честный человек, не простой апологет капитала, не фальшивомонетчик, говорить о причинах нашей нужды в годы гражданской войны, ни словом не упоминая об интервенции, блокаде и прочем?

Только сознательный слуга капитализма может так поступать.

Но так поступает Карл Каутский, теоретический глава германской социал-демократии.

Нужно же все-таки не позабывать о такой «малости», как интервенция. Соединенные силы русских белогвардейцев и белогвардейцев немецких, французских, японских, английских, американских, польских, румынских, чехо-словацких и иных со всех сторон окружали молодую республику Советов. Было это, г-н Каутский? Было. Было то, что мы сидели на голом камне, отрезанные от Сибири, Украины, Кавказа? Было. Разве не знает Каутский, какие муки приходилось испытывать от того, что враги отнимали временами почти все материальные ресурсы, все живые источники производительных сил? Известно это г-ну Каутскому? Известно ли ему также, сколько было разорено, украдено, расхищено этой контрреволюционной международной саранчей, тучами обложившей красную страну и об'едавшей и разорявшей ее со всех сторон? Удивительное дело! Каутский об этом не роняет ни слова.

Но,—скажут нам,—ведь система военного коммунизма тоже не способствовала росту производительных сил.

Да, не способствовала. Мы это открыто признаем. Но—судари-«критики»—без военного коммунизма мы не смогли бы «отбить белогвардейцев».

Когда-то Каутский, полемизируя с К. Реннером, писал:

> «Военное хозяйство (die Kriegswirtschaft) есть преходящее состояние, от которого ожидают, что оно так быстро вновь не возвратится. Поэтому оно не отступает, если цели войны этого требуют, и перед такими формами производственного процесса, которые делают невозможным его повторение в том же масштабе, и которые все более суживают его об'ем.
>
> ...Хозяйство имеет целью, без внимания к издержкам и сохранению производительных сил, производить наибольшую массу средств разрушения и средств, предназначенных для того, чтобы «продержаться» в разрушительном процессе» [1]).

Правда, Каутский писал это о буржуазном хозяйстве и писал тогда против него. Но, поскольку речь идет о закономерностях военного хозяйства вообще, то написанное годится и для войны со стороны пролетариата. Из того, что пролетариат обороняется и что его война есть «справедливая война», не вытекает еще, что она сопровождается материальным благополучием.

---

[1]) K. Kautsky. Kriegsmarxismus. Eine theoretische Grundlegung der Politik des 4. August. Wien. 1918, S. 59.

Таким образом, система военного коммунизма, неизбежно сокращавшая, в свою очередь, базис производительных сил, сама есть функция войны, т.-е. функция интервенции со всеми ее прелестями.

Если это понять—а понять это, даже при минимуме добросовестности, вполне возможно—то нетрудно будет об'яснить себе и тот «удивительный» факт, что власть советов укреплялась, а нищета масс росла в известный период. Нищета масс вызывалась войной. А укрепление власти вызывалось тем, что эта власть хорошо вела войну, хорошо защищала отобранную народом у помещиков землю, отобранные пролетариатом у капиталиста фабрики и заводы. Отсюда—«энтузиазм» («Begeisterung») голодных и разутых красноармейцев, которые дрались как львы на бесконечных фронтах гражданской войны и отстояли, защитили, укрепили новое государство, разгромив контрреволюционные армии.

Как только кончилась война, блокада, интервенция; как только от «военного хозяйства» мы перешли к «мирному», от системы «военного коммунизма» к новой экономической политике, так тотчас же начался наш хозяйственный рост.

Однако, злобный старик не видит этого. Он уверен (или притворяется уверенным?), что у нас хозяйство все время идет книзу. Посудите сами.

На стр. 21 свой брошюры он пишет:

> «В самом деле. Если падение (Verkommen) транспорта и производства, вызываемое хозяйничаньем (Misswirtschaft) большевиков, будет итти так же, как до сих пор, то скоро будет достигнут такой пункт, с которого безнадежной станет какая бы то ни было перспектива демократического движения в России».

Нас сейчас не интересует та связь, которую устанавливает г. Каутский между хозяйственным ростом и «демократическими» перспективами (об этом ниже). Нам важно констатировать, что г. Каутский утверждает, будто хозяйство у нас все время катится вниз.

Г-н Каутский выводит отсюда даже «грядущую катастрофу» (он ее «выводит» в разных случаях по разному, но это нас в данной связи тоже не интересует), т.-е. восстание против советской власти:

> «Безудержное хищническое хозяйство, которое большевизм практикует по отношению к экономическим силам России, делает такой конец отнюдь не невероятным» [1]).

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 38.

Наконец, на стр. 55 г. Каутский выражается еще более категорически:

«Вся их (т.-е. большевиков. *Н. Б.*) система господства покоится на методах, которые ведут к гибели, а не к под'ему промышленности. Вполне возможно, что они никогда не дойдут до того, чтобы оздоровить Россию, которую они только разрушают» (курсив наш).

В этих утверждениях г. Каутский обнаружил такую бессовестную, такую беззастенчивую, такую наглую безграмотность и невежество, такую слепую злобу филистера, что даже г. Дан, сотоварищ Каутского по партии, не мог выдержать. В уже цитировавшейся нами статье сей русский меньшевик пишет:

«Этот (т.-е. Каутского. *Н. Б.*) пессимистический анализ и эти перспективы были в известном смысле верны до 1921 года, до перехода к «новой экономической политике».

Они могли бы снова стать верными, если бы большевики—чего, конечно, никто не ожидает!—внезапно вернулись (и могли вернуться!) к, так-называемому, «военному коммунизму». Но они совершенно не соответствуют действительному ходу развития современной России: ежедневный опыт каждого русского рабочего и крестьянина, пережившего голод 1918—1920 г.г., свидетельствует против это своего рода «теории обнищания». Против нее свидетельствуют и все цифры хозяйственной статистики...

До 1921 года вся «экономика» большевизма действительно сводилась к разрушению производительных сил и проеданию накопленных запасов. И тогда, действительно, отчаяние народных масс не находило себе иного выхода, кроме непрерывно следовавших друг за другом восстаний, принимавших «колоссальные размеры» и превращавшихся в гражданскую войну»[1]).

Премилая картина! Г-н Каутский говорит: до 20 года все было еще недурно и был даже энтузиазм масс, а теперь все никуда негодно и дело идет к восстанию. Г-н Дан утверждает: нет, до 20 года или около того,, было так ужасно, что массы все время восставали—отсюда и пошла гражданская война; а то, что говорит Каутский о теперешнем времени, противоречит и «всему опыту», и «всей статистике».

Но ведь Каутский берется решать вопрос о восстании? Но ведь Каутский выступал с таким же «меморандумом» перед II Интернационалом? Но ведь Каутский дает советы

---

[1]) Ф. Дан, l. c., стр. 11. Курсив везде наш.

даже империалистским государствам? Так что-ж тут удивительного! Это же и называется «научно аргументировать», если твои аргументы противоречат и о п ы т у и с т а т и с т и к е. Ведь статистика, как известно, не «наука», а «опыт»— только для «грубых эмпириков».

Из столкновения лбами обоих выдающихся социал-демократических «вождей» рождается та истина, что оба означенные «вождя» «переиначивают»: г. Д а н «переиначивает», когда он видит одно только «плохое» в период военного коммунизма (он не видит ни того энтузиазма, о котором говорит К а у т с к и й, ибо не понимает смысла гражданской войны и всей нашей революции, ни всей необходимости военного коммунизма), г. К а у т с к и й «переиначивает» п о ч т и в с е, ибо у него в голове командует «Лига Наций», а не императивы марксистского разума. «Лига Наций» у К а у т с к о г о—голенькая. А целомудренный г. Д а н стыдливо прикрывает ее социал-демократической епитрахилью.

Впрочем, мы делаем г. К а у т с к о м у много чести. В своей ненависти к пролетарскому государству он превзошел даже своих хозяев, напр., английских капиталистов (это очень часто бывает с, так-называемыми, «преданными» лакеями). Вот, напр., перед нами известный, самый «солидный», журнал деловых английских кругов «The Economist», № от 15 ноября 1924 г. В статье, озаглавленной «Проблемы экономического положения России» («Problems of the russian economic situation»), мы читаем о начале новой политики (т.-е. о 1921 г.):

> «Начало нового, хотя и ограниченного процветания (prosperity) в России может быть датировано со времени этой перемены».

По отношению к концу 1924 г. «Economist» констатирует:

> «Некоторые из наиболее внешних проявлений улучшившегося экономического положения, которое было достигнуто в начале этого года, всем известны. Улучшенный транспорт, улучшенные условия труда, и, прежде всего, установление твердой валюты (of a stable currency) в форме государственных банкнот (червонцев) вместо обесцененных советских бумажек—реформа, которая была окончательно проведена летом—были достижениями, наиболее достойными упоминания; но лучшие технические методы в области финансов, а равно в некоторых других областях (in the Finance and certain other Departments), как и весьма определенный под'ем в производстве (as well as the very definite rise in production) были симптомами крупного значения»[1]).

---

[1]) Economist, November 15, 1924, p. 766.

Следящие хоть сколько-нибудь за экономической литературой люди знают, что «Economist» можно подозревать в чем угодно, но только не в излишних симпатиях к Советскому Союзу. Но Каутский! Каутский перещеголял даже «их»!

Берем «Frankfurter Zeitung». Читаем там о последнем периоде в развитии нашего хозяйства:

«Россия хозяйственно оживает. Даже если хотят сомневаться в официальной экономической статистике; все же приходится склоняться перед фактами (слушайте, г-н Каутский! *Н. Б.*), которые видишь собственными глазами. Чудовищная (ungeheur) деловая сутолока Москвы должна броситься в глаза даже тому, кто... не может сравнивать (положение) с упадком прежних лет. Таких вещей нельзя искусственно инсценировать (слушайте! слушайте, г-н Каутский! *Н. Б.*). Из провинции до меня доходят аналогичные показания со стороны беспристрастных свидетелей... «Наш бурный рост»—вот «словцо» (Schlagwort), которое слышишь (изо) всех уст»[1]).

Или, вы думаете, г-н Каутский, что мы «провели» и корреспондента «Frankfurter Zeitung»? Не стыдно вам, старый клеветник?

Мы могли бы обратиться еще к целому ряду свидетельских показаний такого же типа. Но, пожалуй, и этого довольно. Всякий беспристрастный читатель и так видит, что полагаться на «показания» и «науку» Каутского, это, примерно, то же самое, что ставить архиереев во главе метеорологических станций.

Но обратимся к кое-каким цифрам.

Прежде всего, приведем суммарные цифры относительно сельского хозяйства. По данным Центр. Стат. Управления динамика развития представляется здесь в следующем виде:

Движение площади посева и численности скота за 1916 — 24 г. г. по Союзу без Туркестана, Закавказья и Монголо-Бурятской республики[2])

	Площадь полевого и усадебного посева. (*в тысячах десятин*):			Тысяч голов:			
Годы	Всего	Озимых	Яровых	Лошадей	Крупн. рог. скота	Овец и коз	Свиней
1916.	87.382,9	27.837,7	59.545,2	31.542,8	50.074,6	84.353,5	19.527,7
1923.	70.861,0	26.525,3	44.335,7	21.408,1	41.268,6	58.258,7	9.394,9
1924.	77.241,7	28.158,9	49.082,8	22.878,0	47.596,8	69.959,8	17.202,2

[1]) Erstes Morgenblatt der «Frankfurter Zeitung», № 473, S. 4. Frankfurter Handelsblatt; Die wirtschaftlieche Konjunktur in Russland.

[2]) «Народное хозяйство СССР в цифрах». Год 2-й. Изд. ЦСУ. М. 1925. Стр. 153.

Как нетрудно видеть из этой таблицы, сельское хозяйство приближается довольно быстро к довоенному уровню, при чем за последний год произошло значительное увеличение площади посевов, несмотря на плохой урожай. Площадь озимых посевов, как явствует из таблицы, перешла уже за норму 1916 года. Как шел этот процесс, видно из более детальной таблицы. Если мы распределим движение озимой площади по годам, то получим (в тысячах десятин):

1916/17	27.981,0	
1921/22	22.363,8	—
1922/23	26.582,0	+
1923/24	27.606,5	+
1924/25	28.382,6	+ [1]).

Таким образом, вопреки стенаниям Каутского, и в земледелии, и в скотоводстве мы имеем правильный под'ем. Если принять площадь посевов 1916 г. за 100, то 1923 год дает цифру 81,0; 1924 год — уже 88,4 (для озимых хлебов соответствующие цифры 95,3 и 101,3) [2]).

Для скота мы будем иметь такие относительные цифры:

Годы	Лошади	Крупн. рог. скот	Овцы	Козы	Свиньи
1916.	100	100	100	100	100
1923.	67,9	82,4	69,5	57,5	48,1
1924.	72,5	95,0	83,4	71,5	88,1 [3])

Гораздо резче идет восстановительный процесс в промышленности. Этот рост, ставший действительно бурным за 2-ю половину 24—25 года, хорошо иллюстрируется следующей таблицей:

Стоимость продукции по промышленности, учитываемой ЦОС [4]).

	(в тысячах довоенных рублей).			*в % к 21/22 г.*	
Годы	По непрерывн. производства	По сезонным	Итого	Непрер.	Всего
1921/22	833.284	16.996	850.280	100	100
1922/23	1.199.359	39.497	1.238.856	114	146
1923/24	1.553.367	64.468	1.617.835	187	190
1-е полуг. 1924/25	1.174.235	—	—	—	—

[1]) В. Ревякин: «Озимый клин 1924/25 года и состояние озимых посевов». Соц. Хоз. 1925. Кн. 2. Стр. 302. Небольшое расхождение цифры 1924/25 г., по сравнению с предыдущей таблицей, об'ясняется тем, что подсчет по Украине взят по данным украинск. ЦСУ.

[2]) «Нар. Хоз. СССР в цифрах», стр. 174.

[3]) Ibid, стр. 212—215.

[4]) Госуд. пром. СССР за 1-е полуг. 1924—25 операц. года. Стат.-эк. обзор, под ред. проф. Л. Б. Кафенгауза. 1925. Стр 8.

Мы видим таким образом, что цифра одного только полугодия 1924—25 операционного года почти равняется годовой цифре предыдущего года, хотя предыдущий год сам по себе обнаружил резкую повышательную тенденцию. Если взять цифры относительно довоенной нормы, то мы получим следующий ряд:

1921/22	23%
1922/23	31%
1923/24	40%
1924/25 (середина!) . . .	70%[1])

А в настоящее время мы перевалили за эту цифру и все ускоряем темп нашего промышленного развития, в особенности в тяжелой промышленности, которая поднимается последней, но поднимается действительно бурным темпом.

В связи с этим повышается и уровень реальной заработной платы. В общем и целом, по всей промышленности, он, если принять в расчет, так-наз., «бесплатные услуги», достигает 85 проц. довоенного уровня. В целом ряде отраслей он значительно превышает довоенный уровень. С развитием производительных сил будет расти и зарплата, и у нас есть полная уверенность в том, что эта повышательная тенденция будет реализована.

Приведем еще несколько цифр по другим отраслям хозяйства. Рост транспорта виден хотя бы из такой таблицы:

Средне-суточная погрузка всех грузов:

(*Количество вагонов*)

Годы	Кварталы. I-й	II-й	III-й	IV-й	Средн. за год
1921/22	10.022	8.825	10.020	9.482	9.590
1922/23	11.971	11.809	11.299	11.895	11.744
1923/24	13.514	12.996	13.056	14.525	13.517
1924/25	16.344	16.374	16.637	—	—

С ростом общего товарооборота в стране все большее значение приобретает кредит. Вместе с тем вырастает зна-

---

[1]) Ср. доклад т. Дзержинского на III Съезде Советов СССР. «Экономич. Жизнь» (16 мая 1926 г. № 110).

чение банков. Для иллюстрации этого приводим цифры, характеризующие рост баланса Госбанка:

Итоги баланса Госбанка.

(*в милл. рублей*)

1/I 1922 г.	5,30
1/I 1923 г.	131,0
1/I 1924 г.	1.099,1
1/I 1925 г.	2.051,2
23/VI 1925 г.	2.849,3

Наконец, нужно сказать несколько слов и о государственном бюджете. Решительно все признают—и об этом не может быть спора, что мы упрочили нашу денежную систему, а затем и госбюджет. Госбюджет наш быстро растет, отражая и на своей величине, и на своей внутренней структуре общий рост хозяйства СССР. Достаточно сказать, что, по предварительным расчетам, общий баланс на 1925—26 г. определится в 3.560 млн. руб., на 870 млн. (или на 32,6 проц.) больше, чем в истекающем хозяйственном году [1]).

Пожалуй, этих бегло приведенных нами цифр достаточно для нашей цели.

Что же мы получаем в итоге?

Цифры бьют в лицо Каутскому.

«Economist»—в данном вопросе—против него.

«Frankfurter Zeitung»—против него.

Г-н Ф. Дан—против него.

«Опыт каждого крестьянина и рабочего», по свидетельству г-на Дана, тоже против него.

«Свидетели»—самые различные. Но нашему Анике Воину все нипочем! Что ему цифры? Что ему «данные»? Что ему «свидегели»? «Censeo Carthaginem esse delendam!» «Красный Карфаген, Москва, должен быть разрушен»!

И все средства для этой цели хороши. Антанта, так Антанта. Клевета, так клевета. Факты не годятся,—долой, к чорту эти факты! Свидетели «прошибаются»—долой свидетелей!

Так кликушествует, сидя на большой исторической дороге, бывший глава марксизма, теперешний отщепенец, Карл Каутский...

---

[1]) См. «Экономич. Жизнь». 156: «Предв. бюджет на 1925—1926 г.»

VI. Так-называемый, «крах коммунизма» и частный капитал в промышленности.

В предыдущем изложении мы показали, насколько невежественным выступает «ученый» Карл Каутский, когда он берется судить даже об элементарнейших фактах нашей хозяйственной жизни.

Но это обстоятельство его нисколько не удручает. С развязностью «писателя», работающего на хороших заказчиков, г-н Каутский «решительно» и «смело» подводит общий баланс:

> «Он (большевизм. *Н. Б.*)... не был в состоянии ровно ничего выполнить (из того, что он обещал. *Н. Б.*), ибо все свои обещания, на которые он так мало скупился и которыми он навербовал себе такое большое число зачарованных последователей (Anhang), большевизм должен был сам об'явить, одно за другим, иллюзией и ошибкой... Конечно, полной правды, а именно той, что его режим не ведет к социализму, а уводит от него, он не признает и до сих пор. Но он уже не в состоянии произвести ничего больше, кроме целых каскадов ругательств по адресу своих критиков» [1]).

Однако, все же оказывается, что большевики вынуждены поправлять хозяйство, ибо «всякое правительство стремится к могуществу и богатству того государства, которым оно управляет» [2]).

И Каутский продолжает:

> «Таким образом, большевики должны стремиться к тому, чтобы снова пустить в ход производство и транспорт, которые они парализовали. С одной стороны, тем путем, что они делят монополию на эксплоатацию русского народа (к чему сводится весь их «коммунизм») с частными капиталистами, именно иностранными, которые хорошо за это платят и которые умеют рациональнее вести дело, чем большевистские хозяйственники. С другой стороны, тем путем, что они разрушают китайские стены, которые они воздвигли так же, как и капиталистические правительства (die sie ebenso wie die kapitalistischen Regierungen), вокруг Советской России» [3])...

И дальше:

> «Капиталистические концессии и капиталистические займы—вот панацея, которая должна помочь стать на ноги тяжело больному коммунизму» [4]).

---

[1]) K. Kautsky, l, c., S. 13—14.
[2]) Ibid, S. 22.
[3]) Idid. S. 22.
[4]) Ibid., S. 22.

Вот все, что тов. Каутский в состоянии был «произвести» для «доказательства» нашего экономического «вырождения».

Итак, что же мы видим?

Большевизм обещал коммунистический рай, или, по крайней мере, движение к нему. Своих обещаний он не сдержал. Он об'явил их иллюзиями и ошибкой. Он установил режим эксплоатации руского народа. Он тяжело болен. Он спасается при помощи иностранного капитализма, без которого он умрет. Он движет общество все дальше от социализма.

Эти, правда, не очень «деловито» обоснованные обвинения дополняются еще брошенным «на всякий случай», вскользь, en passant, замечанием, что над блокадой Советской России совместно трудились и интервенционисты и те, против кого направлялась интервенция.

Последнее замечание мы оставляем в стороне, потому что на явную глупость не отвечают. Вспомним: ведь, сам Каутский признавал, что интервенция была войной реакции против революции. А сейчас перейдем к существу тех вопросов, которые Каутский наметил в своем обвинительном акте.

Нужно, прежде всего, ясно и точно поставить вопросы и говорить не нелепыми полунамеками, а полными и вескими словами.

Что означают «упреки» Каутского, будто большевизм об'явил свои обещания—ошибкой и иллюзией?

Это есть обвинение, которое нужно формулировать так: большевизм обещал осуществление социализма и пробовал его осуществить; но скоро сдал позиции, капитулировал, перейдя к, так-наз., «новой экономической политике». Только так можно расшифровать пифические речи Каутского.

Дальнейшие шаги по направлению к капитализму, это—концессии и займы. Налицо, таким образом, капиталистическое перерождение государства советов, власти и коммунистической партии, явная измена пролетариату. Иллюзии развеялись по ветру, проза жизни осталась, и эта проза—проза капиталистической эксплоатации. Не только рост нищеты, но и все больший переход на капиталистические позиции—вот смысл всей исторической полосы и всей эволюции, пережитой большевизмом.

Что именно такое толкование нужно придавать словам Каутского, видно и из существующих комментариев его гувернантки, прогуливающей нашего старца по садам советской «действительности», г. Ф. Дана.

Гражданин Ф. Дан не так стар, не так глуп и не так далек от жизни, как г. Каутский. Г-н Ф. Дан не отри-

дает факта нашего хозяйственного восстановления. Он только утешает себя тем, что восстановление это идет якобы вопреки стараниям нашей партии.

«Прогресс этот, — пишет г. Дан, — достигался в борьбе с большевистской диктатурой, которая лишь шаг за шагом отступала под напором экономики.

. . . . . .

Но этот рост дает в руки классов, являющихся участниками производительного процесса, совершенно другие средства борьбы с большевистским насилием и давления на большевистское правительство, чем восстание отчаяния, бывшее их единственным оружием в годы хозяйственного развала (здесь, заметим кстати, г. Дан задним числом оправдывает вандейские восстания в то самое время, когда, по Каутскому, происходила война реакции с революцией. *Н. Б.*).

Как раз теперь мы присутствуем при том, как напор крестьянства заставляет большевиков итти на самые широкие экономические уступки не только непосредственно в области крестьянского хозяйства, но и в области обслуживающих крестьянство торговли и промышленности: свобода «кулацкого» хозяйства (почему иронические ковычки, гражданин? *Н. Б.*), допущение аренды земли и наемного труда в деревне, понижение налогов, поощрение кустарных промыслов, льготы (по сравнению с кем? *Н. Б.*) частным торговцам и промышленникам, фактически подготовляющие широкую денационализацию» и т. д., и т. д. [1]).

Мы отметим сперва всю беспомощность, бессвязность, лицемерность и внутреннюю противоречивость меньшевистских построений. По Каутскому, с одной стороны, мы уже в новой экономической политике пошли на поклон частному капиталу, признали ошибкой свой коммунизм и т. д., и т. п. Это утверждение нужно ему для того, чтобы отпугивать от нас рабочих. Но, с другой стороны, по тому же Каутскому, большевики не думают поделить свои эксплоататорские права с капиталистами; они стоят и над рабочими, и над капиталистами. Это нужно для того, чтобы пугать иностранных торговцев. Словом, страховка на оба фронта. Практический критерий истины вырождается у Каутского в простое идеологическое прислужничество контрреволюции.

Г. Дан и вся его компания рассуждают здесь все же последовательнее. Но у них зато еще ярче видна позиция Иудушки Головлева. Их лозунг—назад к здоровому капитализму. Каутский, тот мимоходом бросает обвине-

[1]) Дан, 1. с., стр. 12. Курсив наш.

ние, что мы уводим общество назад от социализма; также мимоходом замечает, что «в большевистской России» нет никаких предпосылок для строительства социализма. Но он боится прямо сказать: «да здравствует здоровый капитализм!». Меньшевики это говорят. Всякое расширение капиталистических отношений они приветствуют, считают прогрессивным; ибо, в самом деле, как же не считать это прогрессом, если весь «марксистский» идеал их умещается, как на блюде, в понятии «здорового капитализма»? Они ненавидят советскую власть именно за то, что она не дает достаточного простора развитию капиталистических отношений. Они надеются, что зажиточные слои крестьянства, т.-е. кулаки в первую очередь, плюс «обслуживающие их», как говорит г. Дан, торговцы окажут достаточное «давление» на эту власть в сторону подталкивания ее к демократической республике, являющейся достаточно «удобной» политической надстройкой над свободой капиталистических отношений производства. Обращаясь к торговцам, кулакам, нэпманам, части интеллигенции, они атакуют нас за препоны капитализму. И в то же самое время, обращаясь к рабочим, они, эти рыцари «здорового капитализма», делают вид, что протестуют против излишних уступок капитализму. И даже имеют наглость говорить о «широкой денационализации», о которой они втайне мечтают, но которую они могут увидеть только в сладких меньшевистских грезах. Там ее настоящее место, милостивые государи!..

Вопрос относительно «краха коммунизма» и прочих фантазий меньшевистской «мысли» решается довольно просто, если только смотреть на дело, не надевая наперед меньшевистских очков.

Система военного коммунизма была, как мы отмечали уже в предыдущей главе, системой связанного потребительского хозяйства («gebundene Wirtschaft»). Между тем, в таком народно-хозяйственном комплексе, где все производство хлеба, скота и т. д. раздроблено в 22 миллионах крестьянских дворов, народно-хозяйственный оборот не может не итти через рынок. Для военного периода центр тяжести лежал все же в рациональном потреблении; для мирного периода он лежит в максимальном производстве. Если военный период вызывал иллюзии, будто можно организовать крестьянское хозяйство, насилуя товарный оборот, то последующий опыт показал, что это нужно и можно сделать, в первую голову, через товарооборот, повышая на фоне общего народно-хозяйственного под'ема и ускорения товарооборота удельный вес государственного хозяйства, организуя на почве товарооборота крестьянство в кооперативные общества, держа курс на врастание этой

кооперативной сети в общую систему экономических организаций пролетарского государства и обеспечивая хозяйственную гегемонию пролетарским банкам, промышленности, транспорту. Поистине, ужасный «крах коммунизма»!

Всякий добросовестный человек сразу же заметит гигантскую фальшь всех упреков, невежественных выпадов, «критических» вылазок, патетического возмущения социал-демократического брюзги. Поставьте ему в упор вопрос: что же, нужно было сохранить систему военного коммунизма?—и сразу вы увидите, что все деланное возмущение разлетится в прах.

Неверно, что мы ушли и уходим все дальше от социализма. Верно как раз противоположное утверждение.

В самом деле. Во время военного коммунизма юридически все почти было в руках государства. Фактически, однако, существовал нелегальный рынок, начиная от нелегальной «черной биржи» и кончая, так-называемым, «мешочничеством». Между тем, государственные предприятия (фабрики, заводы, рудники, транспорт) находились в плачевном состоянии; отрезанные от угля, сырья и хлеба, они не могли функционировать; мелкое производство оказывалось выгоднее крупного; нелегальный мелкий торговец имел преимущество перед крупным магазином. Но в то же время система военного коммунизма обеспечивала на деле прокормление армии и рабочих. С переходом к новой экономической политике стали быстро расти производительные силы. Частная торговля была легализована. Юридически в руках государства оказалось меньше, чем при системе военного коммунизма. Фактически оказалось не меньше, а больше, потому что был обеспечен рост крупного государственного производства и постоянное повышение его удельного веса в общей экономике страны.

Схематически можно представить себе дело таким образом:

Система «военного коммунизма» (*Запертый товарооборот*)		Сист. «новой экомической политики» (*Развернутый товарооборот*)	
У государства	У частных капиталистов, торговцев и т. д.	У государства	У частных капиталистов, торговцев и т. д.
I год . . . 100a	a	100a	5a
II год . . . 100a—n	a—b	150a	6a
III год . . . 100a—nx	a—xb	200a	7a
и т. д.	и т. д.		и т. д.

С ускорением товарооборота, при общем подъеме производительных сил, увеличивается значение «социалистического оазиса» в нашей экономике, который («оазис») по сути дела перестает быть «оазисом», а превращается в ведущее начало нашей хозяйственной жизни. И это называется «крахом коммунизма»!

Через рынок мы движемся к победе социалистического производства, и, следовательно, к преодолению рынка,—таков «закон» нашего развития. «Главное содержание восстановительного процесса последних трех лет и состоит во все возрастающем использовании наличных, но скрытых капиталов страны, использовании, которое стало возможным благодаря восстановлению товарного оборота, денежного обращения, налоговой системы и кредита» [1]).

Насколько правы г. Каутский и меньшевики в своем утверждении о «крахе коммунизма», видно из показаний такого свидетеля, как уже цитировавшийся нами «Economist». Последний писал в конце 1924 года:

> «После смерти Ленина, в январе текущего года, наступило дальнейшее изменение в ситуации. Более крайние элементы коммунистической партии забрали верх, и частное предпринимательство снова попало в немилость... Индустрия и оптовая торговля теперь снова почти целиком находятся в руках государства» [2]).

Речь здесь идет не о «крайних элементах», а о том «зажиме» частной торговли, когда мы усиленно развертывали свою государственную и кооперативную товаропроводящую сеть. Потом, правда, мы снова «разжали» тиски. Но этого свидетельского показания вполне достаточно, чтобы понять относительное значение частного и государственного капитала. Впрочем, мы не хотим оставлять никакого сомнения у наших читателей в том, как же обстоит дело в действительности. Поэтому мы должны будем перейти к анализу некоторых статистических данных, несмотря на то, что «научные аргументы» г-на Каутского тщательно избегают какого бы то ни было соприкосновения со статистикой.

Прежде всего, любопытно выяснить удельный вес государственной (социализированной) и частной промышленности (сюда входят и частная аренда, и концессионные предприятия, и вся частная «собственная» промышленность). Мы возьмем, прежде всего, число наем-

---

[1]) Проф. Л. Кафенгауз: «Крупная промышленность в 1923—1924 г.» См. «Промышленность СССР в 1924 г. Ежегодник ВСНХ», стр. V.
[2]) «Economist», l. c., p. 766.

ных рабочих и распределение их по различным группам предприятий [1]).

Движение числа работающих членов профсоюзов.

(*По данным стат. отд. ВЦСПС*)

	Госуд.	Кооп.	Частн.	в % Госуд.	Кооп.	Частн.
На 1/VII 1924 г.	1.846.744	74.122	116.247	90.7	3,6	5,7
				94,3		
„ 1/X 1924 г.	2.024.796+	96.949+	130.068+	89,9	4,3	5,8
				94,2		
„ 1/I 1925 г.	2.044.928+	115.582+	124.014—	89,5	5,1	5,4
				94,6		

Какое, действительно, опустошающее разочарование должны испытывать мы, когда видим такие цифры! Пять с лишним процентов наемных рабочих у частного промышленного капитала всех видов и всех сортов! Это ли не крах государственной промышленности, «большевистского эксперимента», и так далее, и тому подобное? Это ли не подтверждение каутскианской «науки»?..

Таково соотношение между государственными и частно-капиталистическими промышленными предприятиями, т.-е. предприятиями, употребляющими наемный труд. Можно, однако, поставить вопрос о всей (в том числе и некапиталистической) частной промышленности, т.-е. включить в анализ также ремесленников, кустарей и проч.

К сожалению, у нас сейчас не имеется данных о валовой продукции различных промышленных групп и о положении дел приходится судить по обороту промышленных предприятий, в связи с вопросами обложения [2]).

Удельный вес частных заведений в общем обороте промышленности по реализации продукции.

(*Данные НКФ*)

	1922—23 г.		Оборот в тыс. зол. руб.	%
Государственные предприятия	3.630	„заведений".	783.293	64,4
Кооперативные	2.915	„	29.317	2,4
Частные	97.812	„	403.848	33,2
Итого	104.357		1.216.458	100%

[1]) В строгом смысле слова термин «наемный рабочий» неприменим к рабочим государственной промышленности. Мы его употребляем лишь за неимением другого термина.

[2]) Приводимые данные суть данные по, т.-наз., уравнительному сбору, которым облагается около 80% предприятий.

I полугодие 1923—24 г.

Государственные предприятия . . .	8.868 „заведений".	976.406	67,3
Кооперативные	5.380 „	29.853	2,1
Частные	271.921 „	444.143	30,6
Итого	286.169	1.450.402	100%

II полугодие 1923—24 г.

Госуд. предпр.	5.834 зав.	1.280.806	71,3%
Кооперат. предпр.	3.819 „	36.634	2,1%
Частн. предпр.	246.797 „	476.819	26,6%
Итого	256.450	1.794.259	100%

Нужно иметь в виду, конечно, крайне недостаточную точность этих цифр. Но не подлежит сомнению, что общую картину они все же отражают. При этом нужно отметить, что преуменьшены цифры именно государственной промышленности. Так, по этим вычислениям оборот госпромышленности составлял за весь 1923—24 г. около 2¼ миллиардов, тогда как в действительности одна только промышленность, подчиненная ВСНХ, имела оборот свыше 3 миллиардов.

Итак, за период с 1922 по 1924 год включительно процент оборота госпредприятий поднялся с 64,4 проц. до 71,3 проц., в то время как соответствующая цифра частных предприятий упала с 33,2 проц. до 26,6 проц.

Да, поистине дела идут у нас так «плохо», что конец наш «совершенно неизбежен»!..

Нам нужно, между прочим, помнить, что приводимые цифры касаются всей промышленности: и кустарной, и мелкой, и средней, и крупной. Какова доля оборота внутри этой частной промышленности, видно из следующих данных Наркомфина за 2-е полугодие 1923—24 года.

	Абс. числа оборота (в тыс. р.).	В % ко всему обороту частных заведений.
I разряд (кустарно-ремеслен. заведения) . . .	201.245	42,2%
II, III и IV разряд (мелкая промышленность) .	187.057	39,2%
V—XII разр. (средняя и крупная промышлен) .	88.516	18,6%
	476.819	100%

Если теперь взять удельный вес этих групп в обороте всей промышленности, то получим: кустарно-ремесленные заведения—11,8 проц. всего оборота, мелкая промышленность—10,4 проц., средняя и крупная—4,4 проц. (всего 26,6 проц.), цифра, примерно, соответствующая от-

носительной цифре занятых наемных рабочих. Неправда ли: все идет совсем «по Дану», прямехонько к «широкой денационализации»?

«Economist» в цитированной статье выражал надежду, что у нас все пойдет снова книзу, раз доля участия «частной инициативы» будет падать. Однако об'ективно получается совершенно иная картина.

Мы не имеем данных об оборотах госпромышленности за 1924—25 г. У нас лишь есть соответствующие цифры (за 1-е полугодие 1924—25 г.) по 150 трестам и по группе частных и кооперативных предприятий. Реализация по 150 трестам составляла 453.567.000 черв. рублей во 2-м полугодии 1923—24 г. и 642.152.000 черв. руб. в 1-м полугодии 1924—25 года (увеличение на 41,5 проц). Между тем (по неполным данным) обороты частных заведений за первое полугодие 1924—25 г. возросли по сравнению со 2-м полугодием предыдущего года всего на 5,4 проц., а кооперации — на 61,6 проц. Если эти цифры взять за цифры увеличения для всех заведений, в соответствующих группах, то получим такую картину за 1-ю половину 1924—25 года.

	Обороты в миллионах черв. руб.	% к итогу.
Государств. предпр.	1.793	76,2
Кооперативные „	58	2,4
Частные „	502	21,4
Итого	2.353 м. ч. р.	100%

Присоединяя эти цифры к вышеприведенным, мы увидим, что за период с 1922 г. по 1-ю половину 1924—25 г. включительно динамика соотношений между государственной промышленностью и промышленностью частной выражалась в следующих цифрах:

	% в общем обороте промышленности			
	Госуд.	+ или —	Части.	+ или —
1922—23 г.	64,4		33,2	
I полуг. 1923—24 г.	67,3	+	30,6	—
II „ 1923—24 г.	71,3	+	26,6	—
I „ 1924—25 г.	76,2	+	21,4	—

Как «закономерно» государственное хозяйство «отступает» перед частным! Какую дальновидность, прозорливость, а заодно и добросовестность обнаруживают претенциозные социал-демократические писатели!..

Итак, что касается промышленности, то дело

Каутского здесь явно прогорело. Ему, как всегда, ужасно «не повезло», лишь только речь зашла о фактах и цифрах. Не повезло в промышленности,—быть может, повезет в торговле?

Об этом мы поговорим с читателем в следующей главе.

VII. Так-называемый «крах коммунизма» и частный капитал в торговле.

Мы переходим теперь к анализу соотношений между государственной, кооперативной и частной торговлей. Роль частного торгового капитала должна быть точно так же освещена. Но предварительно необходимо сделать ряд замечаний общего свойства и общего значения.

При господстве рыночных отношений и при наличии в стране миллионов мелких производителей роль частного торговца должна быть неизбежно чрезвычайно велика. Не всякий частный торговец есть торговый капиталист. Но, с другой стороны, совершенно ясно, что наличие частной торговли, хотя бы и ультра-мелкой, розничной, карликовой, есть база для создания частного торгового капитала. Эта истина, конечно, не подлежит никакому оспариванию. Она должна быть для нас аксиомой.

С другой стороны, нужно иметь в виду следующее. Если в области промышленного производства господствует государственное производство, т.-е. социалистическая крупная промышленность, то роль торгового капитала (даже капитала) с его посредническими функциями об'ективно все же отлична от его общественной роли в условиях капиталистического строя, где основные и решающие средства производства принадлежат капиталистам. И в том и в другом случае торговый капитал получает торговую прибыль, высасываемую и из труда рабочих, и из труда ремесленников, и из труда крестьян. Но в строе, при котором средствами производства распоряжается пролетариат, торговый капитал является посредником между пролетарской промышленностью и потребителями разного рода; в строе капиталистическом он является посредником между капиталистической промышленностью и потребителями. Если брать характернейшее и типичнейшее отношение для нашей страны, то при господстве капиталистического режима торговый капитал был посредником между промышленным капиталистом и крестьянином, а теперь он об'ективно является посредником между крестьянином и рабочим государством. При капиталистическом режиме он служит звеном, реализующим для промышленного капиталиста его промышленную прибыль. При режиме проле-

тарской диктатуры он об'ективно «помогает» реализации доходов социализированной промышленности и тем самым косвенно содействует социалистическому накоплению.

Но элементарные истины политической экономии говорят нам, что торговый капитал имеет тенденцию превращаться в капитал промышленный. Известная устойчивость торгово-капиталистических отношений и известная величина накопления торгового капитала превращают торговый капитал в капитал промышленный, и господство капиталистических отношений в процессе обращения переходит на решающую сферу хозяйственной жизни, на производство. Поэтому и в нашем строе, вообще говоря, заложена известная опасность: если торговый капитал растет все более и более; если он переходит в наступление; если он, превратившись в капитал промышленный, начинает все успешнее конкурировать с государственной промышленностью, и «частная инициатива» пробивает своим тараном крепости «казенно-бюрократического» (язык либералов) государственного хозяйства, тогда перед нами процесс попятного движения в сторону от социализма. Так возможна наша «обратная эволюция».

Но, на беду Каутского и всей меньшевистско-эсеровской «социалистической» братии, алчущей и жаждущей этого процесса, у нас нет ничего подобного. В предыдущей главе мы видели, что ни о каком переходе в наступление со стороны капитала в промышленной области нет и речи. Наоборот, перед нами развертывается процесс твердого, уверенного и мужественного продвижения вперед нашей государственной, социализированной крупной промышленности.

А сейчас мы увидим, что и в области торговли идет по существу тот же процесс, хотя пропорции между государственно-кооперативным и частным «капиталом» здесь, конечно, существенно другие.

Мы уже упоминали выше о том, что и при системе военного коммунизма, когда государству юридически принадлежали почти все функции производства и обращения, а частная торговля была запрещена, на самом деле, фактически, эта частная торговля имела крупнейшее значение. По специальным обследованиям А. Лосицкого (26 губерний) за период 1918—1919 г. доставлено населению городов и рабочих поселков продуктов сельского хозяйства со стороны Компрода (орган государственного распределения) 42 проц., «мешочниками»—58 проц. Нужно иметь в виду, что поскольку промышленность работала, она работала почти целиком на оборону. Снабжение населения упало в 1920 г. сравнительно с 1912 г. на 86,5 проц.! Крестьянство получило 13 проц. того, что оно получало в 1912 г.

С переходом к новой экономической политике создалась обстановка, когда государство очутилось лицом к лицу с отсутствием своего товаропроводящего аппарата, в то время как развязалась сразу же миллионноголовая частно-торговая стихия. Даже в области оптовой торговли, даже в сделках между государственными органами, «частный посредник», т.-е. торговый капиталист, играл на первых порах громаднейшую роль. Статистика ВСНХ отмечает, что за период январь—март 1922 г. в среднем около четверти всех оборотов 54—63 государственных органов падало на частных лиц, а специальное исследование о роли частного капитала, предпринятое М. М. Жирмунским, указывает, что эта цифра значительно ниже действительной [1]).

Во второй половине 1921—22 г. (май, июнь, июль) частные контрагенты имели у себя в руках 37—38 проц. всех оборотов государственных органов и 35—45 проц. оборота между госорганами и частными лицами [2]). Следовательно, даже здесь, у истоков производства, они держали значительную часть ключей в своем кармане. Еще более яркая картина получается, если мы возьмем некоторые, и притом наиболее важные, отрасли промышленности (за период март—ноябрь 1922 г.).

Текстильная индустрия—около 40% попадало непосредственно из производства в руки частных лиц, а в отдельные месяцы им попадало до 70—80 проц. хлопчатобумажных товаров!

Соль, игравшая тогда громаднейшую роль, на значительнейший процент шла через частного оптовика.

Резина—48,5 проц. опта шло через частного покупателя и т. д. [3]).

Можно сказать, что в области торговли положение было весьма опасным: на низах—бесконечное количество частных торговцев, начиная с крестьян, «химически выделявших» мелких и мельчайших «капиталистиков», которые, в свою очередь, «химически выделяли» более крупный «кадровый состав». Наверху—ловкие дельцы, пронырливые, в значительной степени спекулянтского пошиба, шибера, получившие возможность двигаться и с необыкновенной энергией втиравшиеся во все поры и щели государственного организма, всюду, где лишь представлялась возможность получить грабительскую торговую прибыль или высокий спекулятивный дифференциальный барыш.

Но это было время совершенно исключительное, так как в области обращения у государства и у кооперации была—

---

[1]) Жирмунский. Частный капитал в товарообороте. М. 1924 г. Стр. 13.
[2]) Жирмунский. I, с., стр. 18.
[3]) Ibid, стр. 21 и сл.

в смысле торгового аппарата—почти зияющая пустота. Время это, однако, наполнилось, в конце концов, двусторонним процессом: с одной стороны, процессом известного накопления в сфере частного торгового капитала, а с другой—лихорадочным процессом организации, подбора людей, накопления элементарного торгового опыта у государственных органов и у органов вновь перестраивающейся кооперации.

Таким образом, почти исключительная роль частного торгового капитала за этот довольно кратковременный период выражала собой, до известной степени, общественные «издержки обучения» для организаций, постепенно становившихся на ноги в борьбе с частным капиталом. Создавши эту предпосылку, рабочее государство могло уже начать постепенное, вначале очень медленное, почти незаметное, наступление и на торговом фронте.

По справкам, полученным из Наркомвнуторга, динамика развития может быть характеризована следующими таблицами:

Внутренний товарооборот СССР по данным НКФ с поправками по другим данным (в миллионах червонных руб.).

I. 1922—23 г.

	Государство	Кооперация	Частн. торг.	Всего
Абсолютные числа	3.203,5	1.123,3	3.392,2	7.719,0
Проценты к итогу	41,5	14,6	43,9	100
		56,1		
С присоед. крестьянской торговли с возов (цифры ориентировочные)	3 203,5	1.123,3	4.391,2	8.719,0
В %-тах к итогу	36,4	12,7	50,9	100
		49,1		

II. 1923—24 г.

Абсолютные числа	6.021,3	2.845,5	4.965,7	13.832,5
Проценты к итогу . . .	43,5	20,6	35,9	100
		64,1		
С присоед. крестьянской торговли с возов (цифры ориентировочные)	6.021,3	2 845,5	6.965,7	15.832,5
В %-тах к итогу	38,0	18,6	43,4	100
		56,6		

Таким образом, доля государственной и кооперативной торговли возросла с 56,1 проц. до 64,1 проц., тогда как доля частной торговли соответственно упала: с 43,9 проц. до 35,9 проц. Точно также мы видим относительное увеличение удельного веса госторговли и кооперации, если мы будем включать и мельчайшую крестьянскую торговлю «с возов».

Итак: вопреки Каутскому, вопреки апологетам капитала из, так-называемого, «социалистического» лагеря, у нас, несмотря ни на что, идет процесс развертывающегося роста антикапиталистических форм и в сфере обращения.

Мы привели суммарные, самые общие данные, которые не могут претендовать на точность. Но что они, в общем и целом, все же отражают картину действительных процессов, доказывается тем обстоятельством, что все другие данные говорят о такой же самой тенденции, тенденции к относительному падению роли частной торговли.

Вот, например, данные о контрагентах двенадцати наших государственных синдикатов (текстильный, кожевенный, Металлосиндикат, Уралмет, Сельмаш, Нефтесиндикат, Продасиликат, махорочный, Расмаслосиндикат, жировой, крахмалопаточный, Солесиндикат).

Оптовые обороты 12 синдикатов в распределении по контрагентам:

Отчетный период	Оптовый оборот по продаже: Общий в тыс. р.	В том числе (в %) Госторг	Кооп.	Смеш. о-ва	Частные лица	Невыясн.
I полуг. 1923—24 г.	210.829	55,3	23,3	0,5	20,0	0,9
II „ „	331.127	44,2	39,5	0,1	15,6	0,6
I „ 1924—25 г.	410.856	39,7	46,0	1,2	12,6	0,5

Таким образом, процент, приходящийся на частные покупки, за короткий промежуток времени упал почти вдвое (с 20,0 до 12,6 проц.) [1])

Такую же основную тенденцию обнаруживает и анализ оборотов на товарных биржах. Вообще, обороты московской и 70 провинциальных товарных бирж возросли с начала 1-го полугодия 1923—24 г. по конец 1-го полугодия 1924—25 года больше чем вдвое (202,9 проц). Интересно, однако, распределение оборотов по контрагентам и динамика этого распределения.

---

[1]) Справки получены из Наркомвнуторга.

Обороты московской товарной биржи и 70 провинциальных бирж по контрагентам за 1923—24 и 1-е полугодие 1924—25 г.

(*В миллионах руб.*):

I. Продажа.

Полугодия.	Госорганы		Смеш. о-ва		Кооперация		Частные	
	МТБ	70 пров. бирж	МТБ	70 пров. бирж	МТБ	70 пр. бирж	МТБ	70 пр. бирж
I полуг. 1923—24 г.	637,1	442,1	16,0	16,3	28,3	57,3	59,4	64,6
В процентах .	85,9	76,2	2,2	2,8	3,8	9,9	8,1	11,1
II полуг. 1923—24 г.	725,2	701,4	17,2	28,4	29,3	90,2	42,6	61,0
В процентах .	89,1	79,6	2,1	3,3	3,6	10,2	5,2	6,9
I полуг. 1924—25 г.	1.167,5	1.106,5	26,3	38,9	59,8	158,0	51,5	71,6
В процентах .	89,5	80,5	2,0	2,8	4,6	11,5	3,9	5,2

По продаже доля частных предприятий в биржевом обороте упала: по московской бирже с 8,1 проц. до 3,9 проц.; по провинциальным биржам—с 11,1 до 5,2 проц.

II. Покупка.

Полугодия.	Госорганы		Смеш. о-ва		Кооперация		Частные	
	МТБ	70 пров. бирж	МТБ	70 пров. бирж	МТБ	70 пр. бирж	МТБ	70 пр. бирж
I полуг. 1923—24 г.	473,7	327,9	26,8	16,8	83,5	123,4	156,8	112,2
В процентах .	63,9	56,5	3,6	2,9	11,3	21,3	21,2	19,3
II полуг. 1923—24 г.	527,0	432,8	18,2	25,3	179,1	316,7	98,0	106,3
В процентах .	64,7	49,2	2,2	2,8	22,0	36,0	11,1	12,0
I полуг. 1924—25 г.	935,1	627,2	22,2	59,0	263,0	498,9	84,8	119,2
В процентах .	71,5	50,7	1,7	4,3	20,2	36,3	6,6	8,7

Таким образом, по покупкам процент частных покупок в общем биржевом обороте упал: на московской бирже с 21,2 проц. до 6,6 проц., т.-е. больше чем втрое, на 70 провинц. биржах—с 19,3 проц. до 8,7 проц., т.-е. больше чем вдвое.

Нужно принять еще в соображение, что сделки с частными лицами в значительной мере совершались за счет государственного кредитования в той или другой форме. За 1923—24 год до марта «не менее 25 проц. (по кредитным и смешанным сделкам) промышленной продукции поступило к частному капиталу по товарному кредиту» [1]).

---

[1]) С. М—ов. „О роли частного капитала в нашем народном хозяйстве". „Плановое Хозяйство". 1925 г. Апрель. Стр. 86.

При анализе различного рода процессов внутри торговой сферы можно наметить ряд основных закономерностей, как-то: общий быстрый рост товарных операций; непрестанное отступление частной торговли; особый рост кооперации, как главной организационной формы распределительного процесса, и т. д. Процесс вытеснения частной торговли имеет точно так же свои характерные закономерности: прежде и раньше всего частная торговля вытесняется из опта и уходит в оптово-розничную и розничную торговлю; затем вообще, она быстрее сдает свои позиции в городах, и торговый капитал перебрасывает свои силы в деревню, при чем главными его операциями здесь являются операции по закупке хлеба и сырья. Но и здесь с ростом госторговли и особенно кооперации, которая в нашем строе пользуется особыми правами и преимуществами и находится в теснейшей связи с хозяйственными органами пролетарского государства, частная торговля медленно отступает со своих, правда, еще очень сильных, хозяйственных позиций. Великая строительная, организационная работа—эта характернейшая черта нашего времени—не охватила еще в такой степени нашей отсталой, распыленной на десятки миллионов дворов деревни. Поэтому вполне естественно, что процесс хозяйственной организации здесь будет долог. Но уже и сейчас мы видим, как на место частного скупщика, лавочника, ростовщика все более и более выступает кооператив, опирающийся в своей работе на всю совокупность хозяйственных органов пролетарской диктатуры.

И здесь, когда мы говорим о роли частного капитала, мы должны принять во внимание, что он в известной мере финансируется нами же. Так «в отношении заготовок хлеба и сырья деятельность частного заготовителя протекала в 1923—24 г. в значительной мере в счет задатков, финансировавших частную заготовку государственных предприятий; практика отдельных предприятий была в этом отношении чрезвычайно различна, но в общем можно считать средний размер государственного финансирования (в виде непосредственных задатков, банковских ссуд под товары и дубликаты) около 30 проц. оборота»[1]). Разумеется, по мере роста кооперативных организаций рычаг государственного кредита поворачивается все решительнее в эту сторону, и перед комбинированной хозяйственной атакой со всех сторон частный капитал вынужден из одной области переходить в другую, отступая шаг за шагом все дальше и дальше в глубину хозяйственного тыла. Но и туда пробираются хозяйственные отряды нового строя. Так развертывается и продвигается вперед победоносное социалистическое наступление.

---

[1]) С. М—ов. „О роли частного капитала“ и т. д., стр. 86.

Что может возразить против этих цифр, фактов, соображений «ученый» Карл Каутский? Что скажет г-н Дан по поводу этакой подготовки «широкой денационализации»?

Что скажут они? То же самое, читатель. Все то же самое. «Рассудку вопреки, наперекор стихиям», они будут по-попугайски повторять те же слова, те же фразы, которые они заучили со времени октябрьских дней.

Так велит им «высший закон»—интересы международной буржуазии, ненависть к революции, любовь к мирному колпаку, уважение к священной собственности, цилиндру, двухспальной постели, куску сала, который буржуазия бросает им, хранителям «культуры и цивилизации».

«Ohne Wurst und Speck
hat das Leben keinen Zweck»[1]).

Или, как пишет Каутский («революционер»!!):

«Мир нуждается теперь больше всего: в покое и прочности». («Ruhe und Stetigkeit») [2]).

Schlafen Sie wohl, Herr Kautsky![3]). Но зачем же тогда писать такие поджигательские брошюры? Смотрите, гражданин! Ошибетесь, и притом вдвойне: и насчет «сала», и насчет «прочности»...

VIII. Процесс социалистического строительства в целом и его противоречия.

Карл Каутский суммирует свои суждения о нашей хозяйственной динамике следующим образом:

«Большевистский режим означал практически не построение нового, высшего, независимого от капитала способа производства, а исключительно грабеж собственников (sondern bloss die Plünderung der Besitzenden) при одновременном застопоривании процесса производства, что вскоре привело к быстрому обнищанию государства. Не будучи в состоянии противодействовать этому, они (большевики. *Н. Б.*) увидели свое непосредственное спасение в том, чтобы разграбить более богатую Европу, для чего им опять-таки понадобилась мировая революция, т.-е. открытая или скрытая война против заграничных правительств. Это реальное, хотя и не всегда

---

[1]) „Без колбасы и сала в жизни смысла нет"—мещанская поговорка.

[2]) K. Kautsky, I, c., S. 38.

[3]) „Спите спокойно, г-н Каутский!".

признаваемое гласно, состояние войны означало изоляцию России от внешнего мира» [1]).

Отметим, прежде всего, бегло новое наворачивание пакостей и нечистоплотных утверждений.

Выше мы видели, что Каутский признает интервенцию войной реакции против революции. Составной частью интервенции была борьба против возможного перенесения этой революции на Европу—не так ли? Но вот теперь еще раз оказывается, что революция есть грабеж, а ее распространение—уловка грабителей, намеревавшихся ограбить и «более богатую Европу». Однако, если это так, то зачем же отказываться было от интервенции? Разве нельзя защищаться против «простого грабежа», который не имеет никакого более широкого смысла с точки зрения замены низших форм производства высшими?

Каутский так зарапортовался, так заспешил в своей брехне, так торопился наговорить максимум приятного и полезного для буржуазии, что из дырявой торбы своего идейного багажа растерял даже те протухшие и заплесневелые кусочки маргаринового «марксизма», которые составляли его последнее «научное» достояние. В самом деле. Допустим даже, что у нас не было и нет пролетарской революции. Но, ведь, Каутский знает, что у нас навзничь опрокинута и уничтожена феодальная поземельная собственность. Каутский знает, что эта поземельная собственность составляла главное экономическое содержание феодальной, крепостнической отсталости России. А если это так, то нетрудно понять, что даже при том допущении, которое мы сделали, выходило бы, что Каутский — предатель и ренегат. Ибо он предавал бы в таком случае даже буржуазную революцию.

В действительности же Каутский продает и буржуазную и социалистическую революцию одновременно. Это, с известной точки зрения, даже последовательно. Ибо империалистская европейско-американская буржуазия, агентом которой является Каутский, контрреволюционна насквозь, целиком, наотмашь, всюду и везде: в Китае и в Германии, в Марокко и в Англии, в Египте, Индии, Америке, Японии—повсеместно. Революция в любой стране представляется ей коллективным грабежом, мировая революция—воспроизводством этого грабежа, руководители революции—обер-грабителями. Этот «научный» взгляд наполняет собою все желтые бульварные листки и солидные издания банковых тузов, копошится под черепной крышкой епископов и королей, великосветских кокоток и

---

[1]) K. Kautsky, l, c., S. 23.

генералов, квалифицированных дипломатов и полицейских шпионов, воротил капиталистической фабрики и социал-демократических вождей...

Но оставим эту тему (об этом нам придется говорить в другой связи) и перейдем к вопросам о «способе производства». В предыдущих главах мы достаточно ясно показали и доказали убожество мыслей нашего героя в этой области.

Ложью оказалось его суждение о растущей нищете.

Ложью оказалось его суждение о спасении нас концессиями.

Ложью оказались меньшевистские росказни о том, что наш рост есть рост победоносного капитализма.

Ложью оказалось, что основная тенденция нашего развития есть развитие в сторону этого капитализма.

И так далее. И тому подобное.

Стыдно становится за Каутского, превратившегося в такого нечистоплотного сплетника, в такого вульгарного и плоского апологета буржуазии, в такого легкомысленного незнайку...

По существу дела, г-н Каутский, в применении к большевикам, проповедует «теорию насилия», так жестоко осмеянную в свое время Энгельсом. В октябре и позднее произошел великий грабеж. Грабили у себя дома. Потом захотели грабить и в чужих домах. Живут, словом, «грабежом и насилием». Это—превосходная «концепция». Но, скажите, пожалуйста, читатель: разве это не напоминает известного анекдота об итальянцах, которые «снискивают себе скудное пропитание тем, что берут взаймы друг у друга»?

Ведь, «мировой революции», в смысле грабежа нами чужих стран, пока-что не произошло. Как-будто бы «чужие страны» и «богатая Европа» до сих пор грабили нашу страну, и притом не без благосклонного попустительства партии Каутского: достаточно вспомнить оккупацию Украины немецкими войсками. Мировой нашей победы—говорим мы—не произошло. А мы каким-то чудом живем, развиваемся, идем вперед, и скоро громадные массы рабочих и крестьян будут праздновать восьмую годовщину своей победы... Нечего сказать, хорошие об'яснения дает почтенный социал-демократический маэстро!...

Вернемся, однако, к существу вопроса. Мы видели выше основные тенденции развития в промышленности и в торговле. Нам необходимо теперь охватить теоретически весь процесс в целом. Ибо пути социалистического строительства в нашей крестьянской стране, да и пути социалистического строительства вообще, стали теперь неизмеримо яснее, чем восемь лет тому назад, когда пролетариат и его

партия впервые в упор очутились перед практической проблемой положительного творчества.

Мы имеем в СССР налицо громадное количество разнообразнейших хозяйственных форм: в отдаленных от центра восточных окраинах, на Кавказе и т. д. встречаются уголки с остатками родового быта, с явственными признаками первобытного коммунизма, местами феодальных отношений, натурального хозяйства вообще; в сельском хозяйстве господствующей формой является мелкобуржуазное хозяйство крестьянина-товаропроизводителя, при чем степень товарности этого хозяйства точно так же весьма различна; вперемежку с индивидуальными хозяйствами мы находим ряд коллективных форм (артелей, колхозов, с.-х. коммун и т. д.); сравнительно небольшую роль играют, так-наз., «советские хозяйства», т.-е. государственные именья и угодья. Не нужно при всем этом забывать факт национализации земли.

Из крестьянского хозяйства непосредственно «вытекают», будучи с ним связаны бесчисленными формами экономической взаимозависимости, ремесло, кустарничество, мелкая карликовая промышленность, значение которой в общей экономике страны было не малое. В связи с крестьянским хозяйством и его индустриализацией находится ряд кооперативных крестьянских производственных об'единений (маслобойные заводы, сыроварни, крахмало-паточные заводы и т. д.).

В городах и поселках мы имеем тоже большое разнообразие хозяйственных форм: на ряду с государственным производством здесь есть и частные предприятия «чистого типа», и предприятия, арендованные частными лицами, и концессии, и кооперативные предприятия, и «смешанные общества», участниками которых являются частные капиталисты—с одной стороны, государство пролетариата—с другой. Но при всем разнообразии этих хозяйственных форм имеющих различное социально-классовое содержание, государственные предприятия составляют мощный экономический массив, по сравнению с которым все остальное отступает далеко на задний план.

Из этого видна вся пестрота картины. Хозяйственные формы, переходящие одна в другую веками, тысячелетиями, у нас сосуществуют одновременно, располагаясь в пространстве. Размах небывалый: на одном полюсе—родовой быт, на другом—государственно-социалистическая фабрика. Правильно сочетать эти хозяйственные формы, правильно сочетать соответствующие им хозяйственные стимулы, правильно сочетать адэкватные им социально-классовые силы, т.-е. обеспечить руководство пролетариата и

наиболее быстрое развитие социалистических форм,— все это есть задача необыкновенной сложности.

Если бросить теперь общий взгляд на весь процесс движения в целом, нетрудно будет увидеть следующие основные закономерности.

В период военного хозяйства, падения—по вине интервенционистов и т. д.—производительных сил, город отступал перед деревней; мелкое производство, более эластичное, в условиях полной ненормальности и иррегулярности производственного процесса (нет хлеба, сырья, топлива, правильного транспорта и т. д.) оказывалось в более выгодных условиях, чем крупное.

В период теперешнего под'ема, начавшегося со времени новой экономической политики и резко обозначившегося за последний год (1924—1925 хоз. год), мы имеем ярко выраженную обратную линию развития: город снова хозяйственно ведет деревню; закон преимущества крупного производства вступает полностью в свои права; поэтому государственная индустрия хозяйственно ведет все остальное, с каждым месяцем укрепляя свою гегемонию в совокупной хозяйственной жизни страны. Деревня за городом, город—за государственной промышленностью,—такова реальная связь хозяйственных форм в СССР.

В предыдущих главах мы видели цифровые выражения этих процессов. Нам остается здесь лишь прибавить, что, по недавно выработанным предположениям и планам на 1925—26 хозяйственный год, мы к концу этого года достигнем довоенной нормы, а местами и перешагнем за нее. По мере действительного роста нашей государственной промышленности все более и более нарастают органически элементы плана, т.-е. рационального начала в общехозяйственном процессе. Уже теперь мы в состоянии прибегать к мерам, совершенно недоступным для частнохозяйственного строя, и не подлежит никакому сомнению, что в ближайшие годы начнет сказываться с поразительной силой не только закон преимущества крупного хозяйства, но и экономический закон преимущества планового хозяйства. Тем самым соотношение между совокупным государственным хозяйством и совокупным частным хозяйством будет еще более решительно изменяться в пользу первого.

Так ставим мы вопрос. Но Каутский не был бы Каутским, если бы и здесь он не умудрился наговорить возможно больше вздору.

> «Большевистский способ мышления,—пишет он,—который считает теоретические абстракции не за упрощение, а за точные (getreue) отображения действительности, слеп ко всем переходным стадиям. Он видит

только диктатуру капитала, или диктатуру пролетариата, всесторонний капитализм или всесторонний социализм, и ничего посередине» [1]).

«Большевистский способ мышления», как известно, нашел свое наиболее яркое выражение в «способе мышления» тов. Ленина. Но утверждать, что Ленин был «слеп» на переходные стадии, это значит обнаруживать еще раз свой переход в слепые сторонники контр-революции. Никто не придавал такого значения конкретному анализу, внимательному изучению переходных форм, пестроты и многоцветности этих форм, как Ленин. Излишне об этом, в сущности, распространяться. Но самое удивительное в утверждениях Каутского то, что он, указывая на несуществующий сучок в нашем глазу, ухитряется не заметить целого бревна в своем собственном зрительном аппарате. В самом деле, ведь, никто иной, как Каутский, ругательски ругает нас за то, что мы еще не осуществили полного коммунизма. Ведь, это он, инсинуируя насчет нашего блока с концессионерами и раздувая их значение сверх всякой нормы, употребляет аргумент от «всестороннего социализма». Ведь, это он тычет пальцем в переходные формы, и делает отсюда вывод о крахе коммунизма, не потрудившись даже подсчитать или осведомиться, в какую сторону идет развитие, как меняется соотношение между различными хозяйственными формами, какова основная динамика нашего хозяйства. А потом приходит с ясным лбом и, невинно посматривая на нас, начинает обвинять нас в том, в чем сам по горло виноват. И это называется «критика»!

Здесь мимоходом мы должны остановиться на существенном и для нас, и для г-на Каутского пункте. Что мы видим и социализм, и переходные стадии—это, надеемся, доказано. Но что Каутский видит «переходную» коалицию, но не видит («слеп») пролетарской диктатуры, застрявши безнадежно на коалиции, вот это факт! Каутский крайне неудачно выбрал свои примеры. Каутский, попросту говоря, попался с поличным. Ибо как переходные к социализму формы не исключают, а предполагают движение к социализму, так и возможные переходные формы от диктатуры буржуазии к диктатуре пролетариата марксисты должны рассматривать именно с точки зрения движения к диктатуре пролетариата, которая есть непременное условие не только для экспроприации экспроприаторов, но и для последующего органического—через переходные экономические формы—врастания в социа-

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 22.

лизм. А Каутский начисто «уничтожил» пролетарскую диктатуру!

Но вернемся снова к главной нашей теме.

Итак, рост производительных сил привел у нас к гегемонии государственно-социалистической крупной промышленности. Нужно рассмотреть теперь, каким образом происходит реализация этого процесса. Совершенно очевидно, что механизм связи между различными хозяйственными формами, в первую очередь связи между государственной промышленностью и мелким крестьянским хозяйством, лежит в области обращения, и процесс обращения играет поистине гигантскую роль, опосредствуя производственные циклы. Процесс обращения, как известно, весьма влияет на процесс производства и обратно. Вот почему вопрос об организационных формах процесса обращения приобретает у нас крупнейшее значение. И здесь вырисовывается перед нами громадная принципиально новая роль кооперации, сельско-хозяйственной кооперации прежде всего.

Главной проблемой для победоносного пролетариата в такой стране, как наша, является проблема хозяйственной увязки между об'единенной промышленностью и распыленным крестьянским хозяйством, из дробности которого и вытекают индивидуалистические частно-хозяйственные мотивы крестьянского труда. Так как эта увязка происходит через рынок, через акты купли-продажи, через процесс обращения, в котором одновременно фигурируют и продукты промышленности, и продукты крестьянского хозяйства (хлеб, сырье и т. д.), то очевидно, что именно от форм связи в этой области зависит в значительной мере характер всей хозяйственной эволюции.

И вот здесь-то сказывается принципиальная разница, которая существует между строем капитализма и строем пролетарской диктатуры, где крупная промышленность, транспорт, кредит (банки), внешняя торговля находятся в руках пролетариата.

Если при капиталистическом режиме рост кооперации, который вызывается, конечно, частнохозяйственными интересами крестьянина (и как продавца, и как покупателя, и как хозяина, нуждающегося в кредите, а равно и накопляющего), приводит неизбежно к ее капиталистической эволюции, то совсем не так обстоит дело при режиме пролетарской диктатуры, ибо здесь хозяйственная среда, «ведущее начало» совокупной хозяйственной жизни — иные. Для всякого марксиста ясно, что рассматривать сельское хозяйство и его развитие изолированно, вне связи с развитием города, промышленности, кредита, транспорта, науки и т. д., — нелепо, методологически непра-

вильно. А если это так, то понятно, что принципиальное изменение производственных отношений в городе должно сказаться и на принципиальном изменении в характере деревенского развития. Это не значит, конечно, что такое развитие будет итти гладко, без противоречий, единым, сплошным, прямым социалистическим путем. Но это значит, что при всех отклонениях, противоречиях, зигзагах равнодействующая всех параллелограммов сил будет итти в направлении к социализму.

Каким образом?

В марксистской литературе неоднократно отмечалось, что когда, например, кредитная кооперация связывается с капиталистическим банком, то образуется, так-называемая, «общность интересов» («Interessengemeinschaft») между нею и этим банком. Когда кооперация по сбыту связывается сетью сложных и постоянных взаимоотношений с крупными оптовыми покупателями, она точно так же попадает от них в известную зависимость. То же и с закупочными операциями. А так как эти решающие хозяйственные организации находятся в руках капиталистов, то кооперация неизбежно врастает в систему капиталистических отношений. Если сюда добавить еще тот факт, что кадровый людской состав кооперативных организаций поставляется точно так же буржуазией и помещиками, то картина становится более или менее полной. Нетрудно сообразить теперь, что у нас формально, т.-е. с точки зрения организационной оболочки материального социально-экономического процесса, дело обстоит, примерно, так же, но что по существу, т.-е. именно с точки зрения этого материального процесса, речь идет о совершенно иной характеристике. У нас тоже происходит и будет происходить «врастание», но это есть врастание не в капиталистические организации, а в хозяйственные организации пролетарского государства; это есть «смычка» не с капиталистической индустрией, а с государственной индустрией рабочего класса; это есть зависимость не от буржуазных банков, а кредитная связь и растущая «Interessengemeinschaft» с кредитными органами пролетарского государства. Тот, кто видит одни капиталистические отношения, кто не понимает всего процесса в целом, тот просто не понимает ни смысла нашей революции, ни главных линий нашего экономического развития.

Организация крестьянства в процессе обращения неминуемо повлечет за собою и рост коллективных форм в производстве, начиная с тех отраслей сельского хозяйства, которые более всего захватываются процессом индустриализации. Сознательно проводимая советской властью политика сближения города и деревни (уже теперь при разработке планов постройки новых фабрик и заводов учиты-

вается этот момент), механизации сельского хозяйства, электрификации—с другого конца все более мощно будет поддерживать те же тенденции. Таким образом, экономически организующая роль государственного хозяйства будет становиться все более решающей.

Весь этот процесс совершается через и посредством рынка. Он будет итти тем скорее, чем скорее будет развиваться наша государственная промышленность. Сейчас перед нами стоит проблема восстановления основного капитала, т.-е. проблема реального социалистического «накопления». При отсутствии заграничных кредитов (без них мы можем тоже обойтись, г-н Каутский! Мы вовсе не умрем, если г-да иностранные капиталисты не пожелают давать нам взаймы) нам необходимо обратить самое пристальное внимание на ускорение оборота в стране. Ускоренный оборот, развязанный оборот, означает, конечно, и рост капиталистических отношений. Но на данной ступени развития он нам вовсе не так опасен, ибо при быстром обороте теперь социалистические формы хозяйства и непосредственно от них зависимые кооперативные формы будут расти еще быстрее, и удельный вес социалистических форм будет непрестанно повышаться. Таким образом, те «уступки» капитализму, которые мы делаем, то «отступление», которое мы производим, есть по существу в теперешних условиях наше экономическое наступление, ибо мы идем с возрастающим перевесом наших совокупных экономических сил.

Забавно то, что этот факт признают, хотя и со скрежетом зубовным, наши заклятые враги из ярко буржуазного лагеря. Так, в исключительно злобной передовице английского экономического журнала «Statist» («The russian position») мы читаем:

> «Недавно пробудившиеся надежды на то, что советские лидеры намерены ввести решительные перемены в свою экономическую систему, к несчастью, не реализовались; становится все более и более ясным, что они... не имеют никакого серьезного намерения систематически бросать (abandoning) великий социальный эксперимент, начатый в 1917 году. Это, правда, что эволюция пресловутого (famous) нэпа (новой экономической политики) прошла через некоторые дальнейшие этапы, и что были сделаны некоторые дальнейшие отступления от чистого коммунизма; но, как это ни покажется парадоксальным, эти изменения в действительности имели целью в конце концов вызвать незыблемость (the permanence) коммунистической системы» [1].

---

[1]) „The Statist", july 11, 1925, p. 49. Курсив наш. *Н. Б.*

Для писателей из «Statist'a», конечно, извинительны такие lapsus'ы, как отступление от «чистого коммунизма» (точно у нас он когда-то был!). Но все же полезно заметить, что эти открытые враги лучше понимают суть дела, чем их социал-демократическая агентура.

Итак, весь процесс есть процесс развертывания товарооборота, т.-е. рыночной формы, которая сама себя преодолевает. Организационным узлом народного хозяйства является об'единенная и все более централизуемая государственная промышленность, сросшаяся с банками, через которые идет финансовое ее питание. Вокруг этого хозяйственного кулака громадной мощности располагается сеть торговых государственных, а затем и кооперативных органов; от кооперации тянутся бесчисленные нити к индивидуальным крестьянским хозяйствам. С ускоренным оборотом всего народно-хозяйственного «капитала» все больший удельный вес получает государственное хозяйство и все быстрее «переделывает свою собственную природу» крестьянское хозяйство. Оно кооперируется, оно организуется, оно все интенсивнее вливается в общий великий организационный поток, во главе которого идет пролетарская государственная власть, экономически непосредственно опирающаяся на крупную промышленность, кредит, транспорт, внешнюю торговлю, национализацию земли.

Чем быстрее будет итти процесс развития производительных сил (а он имеет все шансы итти «американским темпом»), тем больше будет развиваться «рациональное», плановое начало, тем меньше—с определенного пункта—будет роль специфически рыночных отношений. Подобно тому, как в капиталистическом строе внутри «национального хозяйства» есть тенденция преодоления рынка через рынок, поскольку конкуренция превращается в монополию, так в строе пролетарской диктатуры через рынок, через процесс обращения, идет организация мелких крестьянских хозяйств под экономическим руководством все более организованной системы государственного хозяйства. Элементы частно-капиталистические отступают и вытесняются. Крестьянское хозяйство переделывается и втягивается в общую систему. Если развитие капиталистических отношений имеет своим пределом классический государственный капитализм, то пределом развития у нас является социализм.

Само собой разумеется, что этот процесс есть процесс противоречивого развития. Было бы теоретической пошлостью высшей марки представлять себе дело таким образом, что после взятия власти все противоречия сразу отмирают. Этого нигде не будет и быть не может. Вопрос состоит вовсе не в том, чтобы отрицать эти противоречия:

он состоит в том, чтобы их об'яснить, отвести им надлежащее место, уловить их динамику.

Конечно, на тему о противоречиях нашего развития можно было бы написать целое самостоятельное исследование. Мы здесь, естественно, не можем давать их полного анализа. Но все же нужно, хотя бы в общих чертах, осветить этот вопрос, так как меньшевистские политические спекулянты больше всего спекулируют именно на этих противоречиях.

Главным, основным, принципиальным противоречием нашей экономики является противоречие между государственным хозяйством — с одной стороны, частным хозяйством, и специально хозяйством частно-капиталистическим — с другой. Государственное хозяйство имеет своим социально-классовым носителем пролетариат; частно-капиталистическое хозяйство — новую буржуазию. Классовая борьба пролетариата и буржуазии имеет у нас форму хозяйственно-экономической борьбы между государственными и частными предприятиями. При этом у нас возможен одновременный рост: и рост государственного, и рост частного хозяйства. Частно-капиталистическое хозяйство ведет ожесточенную борьбу с государственным хозяйством за влияние на крестьянский двор. Вот один ряд противоречий, самый глубокий, самый основной. Если брать вопрос не по-марксистски, т.-е. статически, в покое, а не в движении, можно без конца тыкать пальцем в частного торговца и охать, и кряхтеть, и ругаться, и предсказывать ужасные беды и напасти, и предрекать «крах коммунизма». Но стоит только правильно поставить вопрос, чтобы видеть пути преодоления этого основного противоречия: относительное уменьшение роли частного хозяйства, хотя бы даже при временном его абсолютном росте, ясно показывает, как будет преодолено это противоречие.

Если блок рабочей промышленности и смыкающейся с ней крестьянской кооперации будет вытеснять частного торговца и тем самым «снимать» («aufheben») противоречие между государственным и частно-капиталистическим хозяйством, то этим будет решаться основная задача социалистического строительства. Но ее решение предполагает «снятие» целого ряда других противоречий.

Наиболее важным из них является противоречие между госпромышленностью и крестьянским хозяйством, между пролетариатом и крестьянством, которые непосредственно противостоят друг другу, как покупатели и продавцы. Но при правильной политике государства, при ориентации на низкие цены промышленности, а не на монопольную прибыль, при решительном курсе на улучшение производства, а не на монополистский застой, это

противоречие будет все больше смягчаться, при чем крестьянская кооперация, срастаясь с государственными экономическими органами, будет базой для отмирания и этого противоречия. Конечно, это будет очень долгий процесс. Конечно, до его завершения протечет много времени. Конечно, на всем протяжении этого процесса будет итти глухая борьба. Но общая линия развития идет именно в эту сторону.

Внутри крестьянства точно так же налицо громадные конфликты и антагонизмы. Кулак, Grossbauer,—с одной стороны. Безлошадный крестьянин или даже батрак,—с другой. Это—классовая противоположность, два разных полюса общественной системы. Как будет преодолеваться это противоречие? Оно будет преодолеваться таким путем, что батраки будут повышать свой жизненный уровень, как составная часть рабочего класса; что бедняки будут организовывать коллективные хозяйства, пользоваться более дешевым кредитом, получать льготы и поддержку со стороны государства. Сельскохозяйственный кредит сыграет здесь громадную роль. Значит, классовая борьба не прекращается. Она может временами резко обостряться. Но только ничего не понимающий человек не видит, что в условиях нашего развития есть путь для эволюционного изживания и такого противоречия.

Мы имеем и ряд противоречий внутри самого рабочего класса. Ведь, не все рабочие занимают, так-называемые, «командные посты». «Красный директор» и «простой рабочий»—не совсем одно и то же, хотя и тот, и другой принадлежат к одному классу и делают одно дело. Если бы весь рабочий класс был совершенно однороден, тогда не было бы такого деления: можно было бы «по-очереди» отбывать директорскую повинность. Этого нет. А, с другой стороны, известная разница «общественного положения» вызывает свои опасности, свои вредные тенденции. Это тоже противоречие, которое будет преодолеваться с ростом производительных сил, культурным под'емом и под'емом материального благосостояния масс. Курс на такое преодоление (борьба с опасными тенденциями, борьба с бюрократизмом, внимательное отношение к нуждам широких масс и т. д.) воплощается в практике нашей партии. Только наивный человек не может понять, что здесь нужна систематическая работа в течение десятков лет.

Реальная жизнь—крайне сложна, и правильная линия рождается из взаимных поправок со стороны разных органов рабочего движения. Приведем один только пример. Наши «хозяйственники» и наши «профсоюзники» в общем делают одно и то же дело: дело социалистического строительства. Но центр тяжести работы хозяйственников — в

улучшении производства, его удешевлении, его рационализации. Центр тяжести работы профсоюзников—в непосредственной заботе о рабочих, в поправках к практике хозяйственников. Только из взаимных поправок, преодоления внутренних трений, изживания конфликтов и относительных антагонизмов складывается действительно правильная линия пролетарской политики.

Пролетарская диктатура есть условие для эволюционного преодоления всех этих противоречий. Противоречия капиталистического общества постоянно воспроизводятся на расширенной основе, пока это общество не лопается в треске и грохоте революционного пожара. Противоречия нашего общества, общества пролетарской диктатуры, воспроизводятся на суживающейся основе и в конечном счете погаснут в системе «всестороннего коммунизма». Тот, кто из наличия этих противоречий делает вывод о «крахе коммунизма»—жалкий трус, с кочаном капусты вместо головы. Таковы меньшевики вместе с Каутским. Им очень «импонирует» мощь Лиги Наций, и они готовы использовать противоречия нашей жизни и нашу унаследованную от старого, увеличенную интервенцией нищету, чтобы еще и еще раз услужить «хозяину своему». А мы, партия рабочего класса, можем гордиться тем, что повернули все развитие на новые рельсы. Чего мы не достигли сегодня, мы достигнем завтра; чего не достигнем завтра, достигнем послезавтра. Но мы—слышите вы, жалкие слуги капитала!—свое возьмем, свое дело будем делать в полном сознании великой исторической задачи, величайшей исторической задачи, которая выпала на нашу долю.

IX. Советский Союз и капиталистические правительства Карл Каутский на службе иностранных капиталистов.

Вопреки всем россказням социал-демократических теоретиков, заявляющих о новой эре мирового капитализма; вопреки новому евангелию от Гильфердинга, сдающего в архив положение ортодоксального марксизма о неизбежности войн в пределах капитализма; вопреки социал-демократическому обоготворению «Лиги Наций», американского кошелька и американской «демократии» мир катится навстречу громадным катастрофам, ибо мы живем в эпоху войн и революций. Мы нисколько не жалеем, что живем в такое бурное время. «Старики», великие основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс с радостным восторгом ждали этого момента, когда за «guerre universelle» или «guerre générale»[1])

[1]) „Всеобщей войной".

последует, как выражались они, всеобщее «алло!», т.-е. наступит время решительной революционной ломки. Как небо от земли далека эта идеология от филистерско-бутербродно-постельной позиции Карла Каутского, главным паролем которого является «покой и прочность» (Ruhe und Stetigkeit). Покой для капитализма! Прочность капиталистических отношений (ибо прочности для советского режима Каутский отнюдь не желает, а в других государствах социализм еще не открыт даже социал-демократической «мыслью»). Попробуйте поискать у Маркса или Энгельса этаких призывов! Попробуйте найти у них этакий язык! Не найдете. Потому что для революционеров это немыслимо, потому что революционер не может ни на секунду благословлять существующий капиталистический порядок: его дело ниспровергать этот порядок, а не желать ему доброго здравия, прочности и покоя.

Но пора решительно расстаться с воспоминаниями прошлого. Пора, наконец, перестать, хотя бы условно, рассматривать социал-демократических вождей, как революционеров. Ибо перед нами законченные типы мещанских контрреволюционеров, охранителей существующего строя. Поняв это, можно понять и всю логику их аргументов. В самом деле, если основная задача состоит в том, чтобы охранять «покой и прочность» для капитализма, т.-е. быть его сторожевой собакой, то необходимо лаять на каждого и бросаться на каждого, кто осмелится восстать против этого строя или даже только причинять ему то или другое неудобство, неприятность, затруднение. С точки зрения «покоя и прочности» нужно бороться против Советского Союза, ибо самый факт его существования зело неприятен капиталу и весьма сильно нарушает и его «покой», и его «прочность» одновременно. С этой точки зрения нужно решительно бороться с коммунизмом, ибо это есть главная сила революции. С этой точки зрения нужно бороться с, так-наз., «азиатским национализмом», т.-е. революционно-освободительными движениями в колониях и полуколониях. С этой точки зрения нужно поддерживать всех внутренних и внешних врагов Советского Союза, взрывать извнѣ и изнутри режим пролетарской диктатуры, ибо он, этот режим, есть очаг беспокойства и непрочности капиталистического мира. Коротко говоря, с этой точки зрения нужно всеми средствами поддерживать буржуазную контр-революцию. Это и делает Карл Каутский, который выставляет те же «научные» аргументы, что и буржуазная печать (ни одного «оригинального»), и те же лозунги.

В «Коммунистическом Манифесте» Маркс писал:

«Призрак бродит по Европе—призрак коммунизма. Все силы старой Европы соединились для освященной

травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские».

Из этого каталога сил старой Европы нужно теперь выкинуть кое-каких действующих лиц, в первую очередь российского царя. Но, с другой стороны, список может быть изрядно дополнен. Ибо к этому же каталогу «пап», «радикалов» и «полицейских» нужно присоединить теперь и почтенных социал-демократических вождей. Как мало они оригинальны в своих «высказываниях» и в своих действиях, можно было бы показать на ряде иллюстраций.

Вот, напр., «Manchester Guardian Weekly» (26/XII 24 г.) сообщает о свидании римского папы с г. Чемберленом. Оба собеседника трактуют вопрос о большевизме (the Bolschevik question was dis (cussed). При этом римский папа прямо говорит «по Каутскому» (или Каутский по «папе»?):

«Мы считаем своей обязанностью призывать всех, особенно людей, стоящих у власти, которые любят мир и святость человеческой семьи и человеческого достоинства, употребить все усилия, чтобы бороться против весьма крупных опасностей и несправедливостей, идущих со стороны социализма и коммунизма»[1]).

Насчет того, что коммунизм нарушает мир, у Каутского есть; насчет «семьи»—у Каутского есть (он же писал, что большевики «социализируют» женщин и приводил в доказательство даже соответствующий подложный документ); насчет «достоинства»—целые моря чернил пролиты, равно и насчет «опасностей» и «несправедливостей». Разве не трогательно такое совпадение?

Теперешний черносотенный российский архи-реакционер г-н Бердяев (тоже бывший марксист) в специальной «философской» работе, исходя из опыта нашей революции, пишет:

«Социальная революция и не может не напоминать грабежа и разбоя»[2]).

Излишне приводить доказательства тому, что вся буржуазная печать стоит на такой точке зрения. А мы уже видели, что она—исходный пункт и всех построений Каутского. И если теперь «прочность» капиталистических порядочков особенно угрожаема со стороны азиатских восстаний, то г-н Каутский тотчас же спешит доставить достаточное оправдание пулеметным залпам, которыми кормят

---

[1]) „Manch. Guard. Weekly", 26. XII. 1924; „The Pope and Russia. Grave dangers of Socialism".

[2]) Николай Бердяев „Философия неравенства". Берлин. Книгоизд. „Обелиск". Стр. 25.

китайских рабочих напуганные английские империалисты. Известно, что пресса особенно консервативных буржуазных кругов стремится изобразить великое движение китайского народа, как простой заговор «московских агентов». Этим самым создают прикрытие для двух целей одновременно: для расстрелов на Востоке и для подготовки военной и финансовой интервенции против Союза. А Каутский? Каутский забегает вперед и, егозя на задних лапках, лает:

«Это (неудача с займами. *Н. Б.*)—есть лишь еще одно добавочное основание для отчаявшихся игроков в Москве, чтобы работать над новыми восстаньицами (Putsche) в надежде грабежом (Plünderung) достигнуть того, чего нельзя получить через займы. Во всех государствах Востока они пытаются зажечь теперь пожар, чтобы в подходящий момент ввергнуть мир в пламя и быть в состоянии его разграбить» («Um in einem gegebenen Moment die Welt in Flammen zu setzen und ausplündern zu können»[1]).

Вы думаете, у Каутского есть хоть попытка анализировать движение на Востоке, поставить его в связь с империализмом капиталистических держав, прощупать его классовые корни, дать его оценку, как величайшего фактора мировой истории? Вы ошибетесь. Ничего подобного у Каутского нет. Он прибегает к совершенно другим «научным аргументам». Изобразив дело так, что китайская революция есть продукт грабительской деятельности московских «игроков», г-н Каутский непосредственно вслед за этим «тонко» «намекает» на то, *что* должны делать империалистические державы, чтобы избавить себя от беспокойства и угрозы по адресу «прочности». Каутский пишет:

«Эта (т.-е. большевиков. *Н. Б.*) поджигательская политика в то же время не безопасна для них самих. Она может в один прекрасный день вовлечь Россию в войну при самых неблагоприятных условиях»[2]).

Нужно быть наивным дураком, чтобы не понимать, что Каутский прямо натравливает империалистские государства на Советский Союз. Правда, он говорит, что он—против вооруженной интервенции. Но это—лишь лицемерная, ханжеская, недостойная, трусливая отговорка. Кто же может этому поверить? Каутский ведь «доказал», что у нас самый кровавый и самый палаческий режим, что его нужно сбросить насилием, что мы повсюду занимаемся простым грабежом, что на Востоке мы—главные «виновники» и работаем тоже для грабежа. Вслед за этим говорится, что «игра» пройдет нам небезнаказанно в случае войны,

---

[1]) K. Kautsky. l. c., S. 48.
[2]) Ibid, S. 48.

Это говорится в то время, как раз в то время, когда такая война действительно подготовляется! И после этого нам лицемерно заявляют: а мы все-таки против вооруженной интервенции! Когда все «аргументы»—за нее! Когда Каутский говорит вещи, которые стыдится говорить даже буржуа!

Нет, гражданин, теперь не так легко обмануть рабочих, как это удавалось сделать в 1914 году.

Что Каутский жаждет войны против СССР, показывает и дальнейшее развитие его «мыслей».

> «Военное поражение,—говорит он далее, — вполне может вызвать соединение местных восстаний в городе и деревне в одно всеобщее восстание и развить такую силу ниспровергающей волны, которая сметет большевизм со всеми орудиями его господства»[1]).

И дальше:

> «Что же должны делать в таком случае социалисты России?...
>
> Было бы ужасно, если бы наш Интернационал под предлогом того, что он отклоняет подготовленное вооруженное восстание (bewaffneten Putsch) против большевизма, заранее осуждал бы всякое восстание против него, как контрреволюционное выступление и запретил бы своим членам участие в таком восстании. Совершенно исключено, чтобы социал-демократы пытались спасти большевистскую систему. Нейтралитет же в случае всеобщего восстания народной массы был бы политическим самоубийством»[2]).

Мы, конечно, знаем, что означает на языке контрреволюционеров «восстание массы». Всякий наш рабочий и крестьяне отлично знают, что народные массы будут биться за советскую власть. Но здесь мы от Каутского, из авторитетного с.-д. источника, узнаем, что исключенной является помощь меньшевиков советской власти. Наоборот, с.-д., по Каутскому, должны активно принимать участие в восстании против советского режима.

Мы еще вернемся к этой теме. Сейчас нас интересует другое, а именно общая стратегия контрреволюционера Каутского. После приведенных цитат нетрудно разгадать эту предательскую стратегию.

Каутский говорит международной буржуазии: «Воспользуйтесь китайской революцией и втяните Россию в войну. А тогда мы, социал-демократы, ударим изнутри».

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 48.
[2]) Ibid., S. 48—49.

Для того, чтобы оценить всю безмерную подлость этих призывов, следует вспомнить, что говорил гражданин Каутский во времена империалистской войны при господстве Вильгельма Гогенцоллерна, при диктатуре прусского бронированного кулака. Тогда, в ответ на призыв к революционному отпору, г-н Каутский отвечал, что «Интернационал»—орудие мира («Friedensinstrument»); что во время войны ему, «Интернационалу», нечего делать; что поэтому нужно сидеть смирно и не «рыпаться». А теперь Каутский спекулирует на войне, связывает свою повстанческую (не шутите!) линию именно с войной, совершенно позабывая, что его «Интернационал»« есть «орудие мира» («Friedensinstrument»).

В чем же дело?

Дело в том, что, по Каутскому, нельзя бороться против буржуазии, но можно бороться против диктатуры пролетариата; нельзя мешать империалистской войне вильгельмовского отечества, но нужно нападать с тылу на советскую власть, когда она обороняется против империалистов; нельзя восставать против капитала, но нужно восставать против советов. Это ли не верх мыслимого предательства? Это ли не активная вооруженная помощь иностранным интервентам? И после этого говорят, что мы «преувеличиваем», что социал-демократы—тоже «социалисты» и т. д. и т. п. Конечно, есть честные рабочие социал-демократы, добросовестно заблуждающиеся. Но «вожди» в роде Каутского ведь это же откровенные наймиты, трубадуры и апостолы грязно-кровавого империализма. Теперь это видно больше, чем когда бы то ни было.

Как бесились господа социал-патриоты, когда большевики, во время империалистской войны, выдвинули лозунг поражения для «своего» империалистского правительства! А теперь Каутский не только накликает на нас интервенционистских стервятников, не только спекулирует на войну, но и прямо ориентируется на военное поражение Советского Союза! Можно ли дальше «продвинуться» по пути служения буржуазии?

Интереснее всего, однако, что Каутский в одном месте сам открыто признает, что он—контрреволюционер. Только что мы видели, что в его изложении мировая революция большевиков—это просто грабеж более богатых государств. Но вот на стр. 24 своей брошюры Каутский, анализируя «двойственность» нашей политики (займы и поиски их—с одной стороны, «мировая революция»—с другой), пишет о мирных отношениях с капиталистическими государствами:

«Эта цель исключает работу на мировую революцию (ein Betreiben der Weltrevolut), но, несмотря на это, по-

следняя цель не оттесняется в политике России назад по сравнению с первой целью. Во-первых, даже в такой молодой и революционной корпорации, как советское правительство (in einer so jungen und revolutionären Körperschaft wie der Sowjetregierung), играет большую роль традиция; затем постоянное оживление надежд на то, что скоро разразится мировая революция, делает возможным вовлечение значительных частей иностранных рабочих под знамена коммунизма. Советская Россия теряет значительнейшую часть своего влияния за границей в тот момент, когда она откажется в глазах мирового пролетариата от мировой революции»[1]).

Ренегат Каутский думает, что все это он написал против нас. Ренегат Каутский не видит, как старательно плюет он здесь в лицо своему собственному прошлому. В самом деле, в чем признается этот пасквилянт?

Теперь оказывается, что советское правительство—«революционная корпорация». Заметьте: речь идет не о советском правительстве времен 1917—20 годов, а о советском правительстве, ведущем переговоры о займах, т.-е. о теперешнем советском правительстве. Каутский выбалтывает, что оно—революционно.

Ну, а теперь дальше. Мы помним, что г-н Каутский заявил, будто самые контрреволюционные правительства, в роде правительства Хорти, гораздо лучше «московских тиранов».

Итак:

Московское правительство хуже правительства Хорти.

Правительство Хорти контрреволюционно.

Московское правительство—«молодая и революционная корпорация».

Итак? Что «итак», г-н Каутский? Соображаете, что вы говорите? А говорите вы прямо и цинично:

Контрреволюция лучше революции.

Вот что вытекает из точного смысла разбираемых положений.

Против «молодой революционной корпорации» призывает воевать империалистов г-н Каутский.

Против правительства «молодой революционной корпорации» обещает Карл Каутский ударить с тылу, как только последуют внешние военные поражения. Вот что нужно запомнить, записать. Вот чего нельзя позабывать никогда.

---

[1]) K. Kautsky, l. c, S. 24—25. Курсив наш. *Н. Б.*

Советская Россия—«констатирует» автор—потеряет свое влияние у рабочих масс, если откажется от симпатий к мировой революции.

Ужасный грех! Ужасное преступление, что «Советская Россия» такие симпатии имеет!

Здесь Каутский разоблачает себя еще раз. По его мнению, это очень плохо, если в глазах рабочих всего мира «Советская Россия» является символом мировой революции.

Еще бы не плохо! Ведь это мешает «покою и прочности» капиталистического режима! Ведь это не дает спать филистерам и их «ученым» колпакам!

Теперь понятно до конца, почему нужно изображать революцию грабежом, а мировую революцию—мировым грабежом. Ведь, нужно, в целях «покоя и прочности», отвратить от революции иностранных рабочих. И г-н Каутский старается в поте лица своего. Ешьте буржуазный «хлеб», почтеннейший! Вы его вполне заслужили...

Каутский воображает, что он крайне остроумен, когда открывает Америку и «разоблачает» нас в симпатиях к мировой революции, с одной стороны, в желании «нормальных торговых отношений» и проч.—с другой. Поболтав, как полицейский шпион и доносчик, насчет того, что коммунисты всегда могут прошмыгнуть нелегально через границы и «давать заграничным коммунистам указания, пароли и прежде всего деньги» (стр. 24 брошюры), г-н Каутский пишет:

> «С другой стороны, большевики должны были заметить, что с акциями мировой революции дело обстояло плохо, и что они падали все ниже. Они увидели, что рабочие массы заграницы все единодушнее отворачивались от их методов... что зато заграничные капиталисты весьма трэтабельные люди, если им развернуть перспективу хороших делишек и прибылей.
>
> Так возникла на ряду с целью мировой революции другая цель,—установления мирных отношений с капиталистическими державами, признания с их стороны и установления свободного оборота с ними»[1]).

Это должно, по Каутскому, звучать весьма ядовито. А если присмотреться хоть на минуту попристальнее, сразу увидишь... шарлатана.

В самом деле, спросим только себя, что же предлагает Каутский: не желать мирных отношений? Об'явить всему капиталистическому миру войну?

Но, во-первых, всякому ясно, что это было бы просто глупо.

---

1) K. Kautsky, l. c., S. 2.

Во-вторых, в таком случае сам Каутский пуще прежнего закричал бы о мировом грабеже. Значит, Каутскому здесь возразить нечего.

Или, быть может, нам нужно отказаться от симпатий к мировой революции? Тех симпатий, на которых держится, по словам Каутского, наш авторитет? Перестать быть «молодой революционной корпорацией?» Предать даже идею мировой революции? Это советует наш старый ренегат?

Мы на это не пойдем. Но было бы забавно услышать от Каутского открыто такое предложение.

А теперь по существу дела. Как без труда увидит читатель, Каутский выполняет в своих рассуждениях прямое и непосредственное задание международной буржуазии.

Буржуазия торгуется с нами и требует максимума; она говорит нам:

хотите с нами торговать, бросьте свои симпатии к революции.

Мы ей отвечаем:

торговать с вами хотим, в дела ваши вмешиваться не будем, но симпатий своих к мировой революции не покинем.

Что делает Каутский? В споре между нами и капиталистами он целиком стоит на стороне капиталистов против нас, он фактически поддерживает требования капиталистов.

Но, может быть, действительно невозможно такое положение вещей, чтобы пролетарское государство могло существовать и торговать с капиталистическими государствами, не изменяя мировой революции?

Нетрудно ответить на этот вопрос по существу. Мировая революция развивается неравномерно. Картина ее развития крайне пестра и сложна. Совершенно немыслимо предположить, что революция одерживает победу сразу и одновременно во всех странах. Поэтому, неизбежен переходный период, когда одновременно сосуществуют и пролетарские и капиталистические государства. А так как такое состояние заполняет собой целый исторический период, то понятно, что этот период неизбежно противоречив.

Характерно для Каутского, что он совершенно «позабыл» здесь свои старые упреки по адресу большевиков. Читатели помнят, как он обвинял нас в непонимании переходных моментов. А теперь он, ничтоже сумняшеся, «оперирует» прямо противоположными аргументами. Ну и «горе-диалектик»!

Но Каутский идет в своих доносах дальше. Вся буржуазия сейчас отождествляет Коминтерн с советским правительством. Ей это нужно и для борьбы с СССР, и для

того, чтобы изобразить коммунистических рабочих агентами «московских деспотов». Что же делает Каутский? Каутский целиком поддерживает эту «версию».

«Они (большевики) думают, что они будут в состоянии и дальше вести свою двойственную политику путем создания для ее пролетарской и ее капиталистической части различных учреждений. Коммунистический Интернационал работает на мировую революцию, проповедует низвержение всех правительств. Советская дипломатия, наоборот, старается обрести доверие тех же правительств...

Но теперь ни для кого не секрет, что те же самые господа командуют и Третьим Интернационалом и советской дипломатией... Теперь это противоречие имеет своим следствием, что никто не верит русскому правительству»[1]).

Браво, Каутский! Брависсимо! «Демократ» Каутский присоединяется к требованию самых заядлых империалистских политиков, требованию выгнать Коминтерн из СССР, потому что это нужно господам капиталистам. Если присоединить сюда еще сообщения о «суммах государственных денег» (стр. 10), тогда перед нами полностью выплывает полицейское досье, которое называется меморандумом Карла Каутского Второму Интернационалу. Входить в подробный разбор вопроса о советском правительстве и Коминтерне прямо совестно. Неужели, например, г-ну Каутскому непонятно, что республика Эберта—Гинденбурга может подписывать торговый договор с Италией, но что это не значит, что она совершенно солидаризируется с фашистской партией? Неужели г-н Каутский не понимает, что одно дело—английское правительство, а другое дело, например, так называемая, «Международная лига по борьбе с большевизмом»? И неужели он не понимает, что такое же отношение существует между правительством пролетариата СССР и международной организацией коммунистических рабочих?

Эта разница понятна каждому. Но в то время, когда вся буржуазия воет, Каутский не может не подвывать. Старайтесь, милостивый государь!

Но вы не думайте, читатель, что г-н Каутский ограничивается одной спекуляцией на войну, хотя и стыдливой. У него более солидный арсенал средств. Он имеет в виду и финансовое давление. Стоит разобрать и эту сторону дела: ведь, действительно, перед нами замечательный, классический образец ренегатства,—другого такого не сыщешь.

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 26.

Просим обратить внимание на следующее, поистине поразительное, рассуждение Каутского:

«И Советская Россия не может в настоящее время вести дальше свое хозяйство без больших иностранных займов...

Доставлять Советской России займы без всяких условий значило бы давать ее деспотам новые средства для угнетения народных масс, над которыми они господствуют и которые они могут держать только насилием. С другой стороны, безусловно отклонять всякий заем России значит упускать из рук сильнейшее средство давления, которое позволяет давить на теперешних владык Москвы с целью получить уступки в смысле демократии.

В займах не должно быть отказа, но только под условием смягчения ужасного гнета...

Всякое такое условие может быть оправдано и интересами самих кредиторов (Verleiher), так что большевики не могут отклонять их, как непозволительное вмешательство заграницы во внутренние дела...

Достижение демократических уступок, как это ни странно,—не только в интересах русского пролетариата, но и в интересах заграничных капиталистов, которые хотят отправлять деньги в Россию или через займы, или через покупку концессий»[1]).

Уже изрядное количество времени прошло с тех пор, как иностранные капиталисты отказались от наглых требований изменения нашего политического режима. За его изменение они боролись с оружием в руках. Но рабочие и крестьяне показали им, как народ защищает свой режим от посягательств иностранного капитала и русской белогвардейщины. Иностранные капиталисты пробовали потом выставлять те же требования «мирным путем», как предварительное условие торговых сделок. Но и эта «фаза развития» прошла.

Теперь, когда в воздухе опять запахло тревогой, эти требования поднимает, смеет поднимать, господин Карл Каутский!

Омерзительно смотреть на этого Иуду. «Займы», т.-е. деньги, находятся не у Каутского, а у капиталистов. Давление на нас деньгами может оказывать не Каутский, а капиталисты. Но разве этим Каутского смутишь? Нисколько! Он и аргументирует-то от «интересов кредиторов».

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 34—35.

Особенно поразителен и циничен аргумент Каутского, гласящий, что рекомендуемое им «давление» потому не является вмешательством во внутренние дела, что «может быть оправдано и интересами самих кредиторов». Этот «научный аргумент» заслуживает того, чтобы за его длинные уши вытащить автора и показать такого, с позволения сказать, «мыслителя» всем и каждому. А разве интервенция не может быть «оправдана» интересами интервентов? Или г-н Каутский, научившись кое-чему у Форлендера, изобрел новый вид платонической интервенции? На кого рассчитывает Каутский? На каких дураков?

К «чести» его нужно, однако, сказать, что он и сам чувствует слабость своей позиции. И поэтому, набравшись храбрости, вдруг находит «выход», об'являя интересы иностранных капиталистов тождественными с интересами наших рабочих в самом важном вопросе, в вопросе о политической власти!

Рабочие! Поблагодарите г-на Каутского за это поразительное открытие!

Так говорили генералы Айронсайды, Колчаки, Юденичи, мучившие нашу страну. Так говорит теперь Карл Каутский, «вождь» Второго Интернационала.

Гнусная пропаганда против СССР, финансовое давление, война, восстание,—вот программа Каутского, который в точности выполняет задания международной буржуазии. И если международные шпионы, и в первую очередь английские, всегда намечают центром своих операций Грузию (капиталистам ближе к нефти, а англичанам специально удобнее подходить с морским флотом), то и эту «деталь» предусматривает Карл Каутский:

> «...В Грузии никогда не было опасности, что восстание против большевистского господства, если это восстание удастся, сможет послужить реакции. Всякое восстание должно служить там завоеванию национальной независимости от всякого русского режима (точно в Грузии «русский режим! «*Н. Б.*)»...[1]).

Так замыкается цепь «советов» международной буржуазии со стороны ее глашатая. В моменты новой контрреволюционной волны, когда даже умеренные буржуазные писатели с тревогой смотрят за работой по организации «Священного Союза» против «молодой революционной» страны, Карл Каутский выступает «авторитетным» экспертом в стане банкиров, полицейских, генералов, заговорщиков, фашистов, эмигрантов. Он выступает действительно апостолом международной буржуазии.

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 42.

X. Карл Каутский на службе внутренней контрреволюции.

Мы видели выше, что Каутский, накликая на СССР войну со стороны империалистских хищников и спекулируя на военное поражение советских республик, дает империалистам клятвенное обещание ударить с тылу, т.-е. внутренними восстаниями помочь наступающему империализму. Чтобы спрятать от рабочих этот действительный смысл своих невероятных выступлений, господин Каутский усиленно пытается покрыть их отвратительную контрреволюционную наготу розовым флером рассуждений о невозможности реакции в России. Освещение этого пункта крайне интересно, и мы надеемся, что читатели не посетуют на нас за длинные выписки из творений Каутского и его друзей.

Г-н Каутский утверждает, прежде всего, что уже в начале большевистского режима, когда, по его же собственным словам, за большевиками шли значительные слои рабочих и крестьян, восстание против советской власти можно было оправдать («berechtigt»; стр. 41—42); однако, тогда оно было нецелесообразно, ибо была опасность, что такое восстание окажется на руку реакции, вина будет свалена на меньшевиков и эсеров, и «социализм» будет дискредитирован, а большевизм, наоборот, поднимает свой престиж (Каутский забывает, что в действительности именно это и было). Совсем иное—теперь:

> «Теперь и в собственно России исчезла опасность, что социалистическое восстание против большевизма окажет помощь реакции. И это по той простой причине, что все то, что могла принести с собой реакция, практикуется большевиками в такой мере, за пределы которой уже нельзя перешагнуть (das nicht mehr zu überbieten ist). Единственное, что московское правительство не тронуло из завоеваний революции, разрушение крупной поземельной собственности (обманщик Каутский позабывает, что большевики были единственной партией, смело проводившей это «разрушение». *Н. Б.*)—не отважится отменить никакое другое правительство, как бы реакционно оно ни было. Точно так же и Бурбоны после их возвращения во Францию, когда свергнут был Наполеон, не смогли снова отдать дворянству и церкви конфискованные у них имения» [1]).
>
> «Нам нечего поэтому бояться, что, благодаря вооруженному восстанию (bewaffnete Erhebung), в России будет

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 44.

оказана помощь реакции. Наоборот, все более растет вероятность того, что такое восстание, в случае удачи, увеличит в России свободу, не затронет ни одного из еще сохранившихся скромных завоеваний революции, пробудит ряд таких завоеваний к новой жизни и в гигантской степени будет полезно (gewaltig fördern) народным массам и пролетариату»[1]).

Но не только поэтому можно подымать восстание. Его можно, по Каутскому, подымать и потому, что

«всякое правительство, которое стало бы на место советского правительства, было бы... слабее, чем это последнее, уже только по одному тому, что оно было бы менее едино (einheitlich), атакованное многочисленными противоречивыми интересами, по сравнению с маленькой кликой, которая теперь владычествует над Москвой»[2]).

Мы видели, что г-н Каутский связывает восстание с войной. Поэтому вопрос о реакции должен был бы, прежде всего, быть поставленным именно в этом контексте. Каутский, однако, уклоняется от этой задачи, чувствуя, что здесь, между прочим, обретается одно из самых слабых его мест. Посмотрим трезво на ту обстановку, которая предполагается посылками автора.

Идет война. Советское правительство терпит поражение. Внутри страны вспыхивают восстания. Меньшевики и эсеры эти восстания поддерживают. Кто может не понять, что при таких условиях война империалистов немедленно превращается в могущественную их интервенцию во все «внутренние дела»? Опыт интервенции 1818—1920 гг. показал, как хозяйничают «союзники» на оккупированной земле, превращая ее в колонию, покрывая страну виселицами, расстреливая рабочих и крестьян.

Задает Каутский этот вопрос? Где у него гарантия против этакой реакции? Ни слова., Ни звука.

Но, если мы припомним, что Каутский—агент международной буржуазии, то нетрудно понять, в чем дело. И кое-что предстанет тогда в «другом свете».

Каутский выставляет, как мы видели только что, «блестящую» перспективу слабого правительства, раздираемого противоречиями. Слабого, при сильной армии иностранного империализма.

Вы догадываетесь, товарищи рабочие и крестьяне, что это все значит?

Это и есть программа империалистских хищников. Империалистам нужно:

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 45.
[2]) Ibidem, S. 44.

1) свалить «молодую революционную корпорацию»;
2) оккупировать известную часть территории России;
3) иметь к своим услугам слабое правительство;
4) держать это правительство своим вассалом.

Каутский нечаянно выболтал тайну своей черной магии. Как раз теперь, когда на СССР идет поход, а германское буржуазное отечество продается антантовскому капиталу; когда начинается переход германской буржуазии на западную ориентацию и необходимо показать особое лакейское почтение к Антанте и Америке и особую враждебность к СССР, Каутский выдвигает восстание против СССР с программой замены сильного советского правительства слабым, разодранным на части, валяющимся в ногах у Антанты, полуколониальным «правительством», в роде тех жалких антантовских шавок, того «социалистически»-буржуазного сброда, который царствовал при армиях Булак-Балаховича, генерала Айронсайда и прочих. «Большой план» некоторых, очень влиятельных кругов международной буржуазии как раз и состоит в таком порабощении нашей страны. Проблема рынков вновь очень остро стала перед американской, английской, да и германской буржуазией. «Прочность и покой» капиталистического режима наталкиваются на существование СССР, который растет с каждым месяцем. Правительство СССР, «молодая революционная корпорация», все более укрепляется; оно сильно и едино. Как же тут быть? И г-н Каутский ставит все точки над i, вплоть до перспективы слабого правительства в России. Это должны отчетливо запомнить все трудящиеся.

Итак, на вопросе о связи реакции международной и реакции внутренней Каутский разоблачает себя до конца.

Переходим теперь к вопросу о внутренней реакции. Мы видели, что главным аргументом Каутского является здесь «соображение» о предельной реакционности нас, грешных. «Все равно хуже не будет»—вот главное положение. Читателя-марксиста, привыкшего к тому, что ему дают классовый анализ, указывают на то или иное специфическое сочетание общественных сил, снова поражает то странное обстоятельство, что г-н Каутский ни капли не утруждает себя подобным анализом; перед читателем проходят не определенные социально-экономические категории со своим политическим выражением, а вульгарные шаблоны бульварной прессы: злодеи-большевики и добрые социалисты, белогвардейцы в кавычках и вообще любители свободы. Эта стряпня Каутского настолько тошнотворна, что против нее должны были выступить и Дан, и Милюков. В «Соц. Вестнике» г. Ф. Дан пишет:

«Как и указал Милюков—из всего рассуждения Каутского следует вывод, что и реставрация романовской монархии была бы злом не столь большой руки, еслиб она пришла на смену большевистскому деспотизму! И вывод этот тем более законен, что сам Каутский ссылается в этой связи на реставрацию Бурбонов... И, однако, сам Каутский, конечно, не сомневается, что даже с точки зрения буржуазии реставрация Бурбонов была реакцией, как не сомневается и в том, что с точки зрения пролетариата термидор был и остается контрреволюцией, хотя он и освободил Францию от деспотизма Робеспьера»[1]).

Мы не знаем, до какой степени падения должен дойти, так-называемый, «социалистический» лагерь, чтобы терпеть в своей среде «выводы» в пользу романовской монархии, чтобы считать своими вождями людей, стоящих политически много правее кадета Милюкова, одного из столпов российской контрреволюции! Ведь, подумать только! В чем обвиняет—и обвиняет совершенно справедливо—г-н Дан г-на Каутского? Не более, не менее, как в том, что из-за своей злобы к большевизму г-н Каутский готов пойти на сделку с романовской монархией! И все же г-н Дан продолжает восторгаться произведением Каутского, трусливо не делая выводов, которые обязан был бы сделать всякий честный политический деятель. Каутский, выставляя положение о предельной реакционности большевиков, не только не дает какого бы то ни было классового анализа, но «позабывает» начисто свое определение советского правительства, как «молодой революционной корпорации». Он позволяет себе менять основные характеристики через несколько страниц. Не называется ли это игрой краплеными картами?..

Когда-то в старину даже среди социал-демократов меньшевистского крыла неприличным считалось бы говорить об «освобождении Франции от деспотизма Робеспьера». Но, «nous avons changé tout cela»[2]), и г-н Дан не стыдится говорить языком контрреволюции. А г-н Каутский прямо становится на защиту Бурбонов против «деспотизма Робеспьера» и на защиту Романовых против «деспотизма большевиков». Умилительная картина! Пожалуй, скоро, вслед за письмом г-на Гинденбурга г-ну Шейдеману, мы доживем и до таких времен, когда «великий князь Николай Николаевич» или «император всероссийский» Кирилл Владимирович будут поздравлять г-на Каутского за его полезную бурбоновско-романовскую «социалистическую» работу.

---

1) Ф. Дан, l. c., стр. 9.
2) „Мы все это переменили".

Г-н Дан, возражая Каутскому, пишет:

«Конечно, с исторической точки зрения всякая контрреволюция с вызываемыми ею страданиями и возмущением масс, перспективой новых революций и войн и т. д. может быть задним числом «оправдана», как неизбежная форма «прогресса», как единственно возможный, при данном соотношении сил, выход из тупика, в который неизменно попадает всякая революция, перескакивающая за свои реальные исторические пределы. Быть может, и для разрешения противоречий революции 48 года, история не давала другой реальности, кроме кровопускания, произведенного Кавеньяком, как для разрешений противоречий Коммуны—другой, кроме победы Тьера. Но этот исторический вывод задним числом ни в коем случае не может служить руководством для политической партии (последний курсив принадлежит Дану. *Н. Б.*), борющейся в интересах своего класса за другой, менее убыточный для этого класса выход из тупика» [1]).

Что говорит здесь г-н Дан, если снять покровы туманного языка? Он говорит, что большевистская революция зашла слишком далеко, согласно его, Дана, мнению, по революционному пути, и что Каутский фактически предлагает современным Кавеньякам и Тьерам задушить ее за это, что, однако, неприлично для «политической партии, борющейся» и т. д. Вот истинный смысл этого «упрека». Конечно, вслед за этим начинается «танец живота», оговорочки, уверточки, лицемерные похвалы, слюнявые «раз'яснения» и т. д. Но факт остается фактом: Дан признал, что Каутский логически (конечно, только логически!) стоит на позиции Кавеньяков и Тьеров. С чем мы и поздравляем почтенного «отца» социал-демократической теории.

Г-н Каутский—человек, как он неоднократно доказывал, весьма «храбрый». Поэтому он призывает всех своих чад и домочадцев в лоне II Интернационала «получить решающее влияние на восстание и никоим образом его не саботировать» (стр. 49). С другой стороны, Каутский рекомендует бросить страхи перед реакционными офицерами:

«Не следует давать себя усыплять призраком белогвардейских офицеров, о которых думают, что они обязательно станут руководителями любого восстания против большевизма. Русский крестьянин недаром проходил через школу революции. Он прочно держится за свой кусок земли, полон недоверия к старым аристократам и заполучил сильнейшие демократические чувства» [2]).

---

[1]) Ф. Дан, l. c., стр. 10.
[2]) K. Kautsky, l. c., S. 49—50.

За две страницы перед этим (стр. 47) г-н Каутский писал:

«Скорее всего это (т.-е. восстание. *Н. Б.*) наступает вследствие крупной военной катастрофы, которая особенно легко может разразиться над военной деспотией...

В демократии весь народ в период тяжелой катастрофы решительно становится на поддержку выбранного им правительства... В деспотии, которая признается массой за причину ее страданий и ненавидится ею, национальная катастрофа дает толчок ко всенародному восстанию»[1]).

Итак:

во-первых, г-н Каутский не только накликает войну империалистских демократий против московского «деспотизма», но и обещает полную поддержку этим «демократиям» («весь народ» и т. д.);

во-вторых, г-н Каутский, который обвинял советское правительство в удушении народа, теперь вдруг апеллирует к «школе революции», к «демократическому чувству» крестьянина, даже к его ненависти против белогвардейских офицеров.

На последнем пункте стоит остановиться особо. Мы уже не будем говорить о том, что приятели Каутского, меньшевики, а особенно эсеры, прямо и рука об руку шли вместе с «белогвардейскими офицерами»; бросим это и поговорим о будущем. «Школа революции». Хорошо. Но что же это была за «школа», в которой крестьяне приобретали ненависть к аристократам, белым офицерам и становились «демократами»? Это была школа гражданской войны и Красной армии, великая школа, руководимая—...не припомните ли кем? большевиками, почтеннейший. А ваши приятели с лозунгами Учредилки были по ту сторону фронта.

Изо всего этого вытекает не воображаемая перспектива восстания, а перспектива сплоченности народа, который под руководством пролетариата даст снова героический отпор империалистским армиям, если их бросят на нас благодарные хозяева Карла Каутского.

После всех заговорщических, белогвардейско-повстанческих рассуждений г-н Карл Каутский наивно замечает:

«Быть может, мне могут возразить, что хотя мои воззрения и правильны, но их нельзя открыто выставлять от имени Интернационала, так как это означает выдать наших товарищей в России ножу их палачей, дать этим последним основание для новых преследований. Я этого не боюсь (в Берлине! *Н. Б.*). Если большевики честно воспримут наше изложение, то они не смогут вывести

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 47.

отсюда оправдание для преследования демократических социалистов. Ибо мы ясно предостерегаем последних от подготовки вооруженных восстаний. А что касается наступления других восстаний, о которых мы говорим, то это не зависит от наших товарищей» [1]).

На это нам остается процитировать г-на Дана:

«Каутский проводит резкое различие между «подготовленным вооруженным восстанием» (vorbereiteter bewaffneter Aufstand) и «самопроизвольным народным возмущением» (spontane Volkserhebung)... Классификация... не кажется нам ясной... Ориентироваться тактически на «всенародное возмущение» значит в действительности ориентироваться на «вооруженное восстание» и гражданскую войну» [2]).

Что же тут такое? Быть может, г-н Дан «нечестно» понял учителя своего? Или г-н Каутский нечестно играет словами, нечестно прячет свою империалистскую физиономию под розовую маску «демократа», «социалиста» и т. д.? Мы думаем, что последнее много вернее. Каутский «гактически ориентируется» на войну империалистов против нас извне и на гражданскую войну белых против народа—изнутри, что должно привести к желанной цели: оккупации, превращению СССР в буржуазную полуколонию со слабым правительством и со слабым хозяйством. Тогда международная буржуазия могла бы надолго успокоиться. А ее «покой» и «прочность» и охраняет Карл Каутский.

Карл Каутский не боится реакции. Он храбрый. Единственно, чего он боится, это—еврейского погрома. Так и видишь опять длинные уши филистеров, освещающих Каутскому «русский вопрос».

В заключение интересно отметить отношение к брошюре Каутского некоторых фракций нашей эмиграции.

Официальные меньшевики, устами Дана отхрестившись от ряда положений Каутского, по обычаю в итоге пропели ему осанну: смысл его книжонки

«лежит в пропитывающем всю брошюру духе страстного интернационализма» (стр. 14).

(Г-н Дан позабывает прибавить «интернационализма» буржуазии, которая единым фронтом готовит войну против СССР).

Официальные эсеры («Воля России», 1925, II) в статье Е. Сталинского считают, что брошюра Каут-

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 53.
[2]) Ф. Дан, l. c., 10.

ского является «событием», что она подводит итог целому периоду и, по существу, делает Каутского идеологом с-р-ов, которые, так сказать, всегда говорили то же.

Журнал блока кадетов и ультра-правых эсеров «Современные Записки» (кн. XXIV, 1925, Париж) полагает, что

> «для русского демократического социализма и для дела русского освобождения работа Каутского во всяком случае является ценным даром, каким не слишком часто балует судьба» (стр. 468).

Характерно, что в этом же номере редакция сочла уместным поместить статью г-на Н. Бердяева (того самого, по которому «социальная революция и не может не напоминать разбоя и грабежа»). Эта статья называется: «В защиту христианской свободы». В ней г-н Бердяев, между прочим, пишет:

> «Русская религиозно-философская и религиозно-общественная мысль была не замечена, не оценена, не получила сколько-нибудь широкого влияния. И ответственность за это падает на ту традиционно-«левую» интеллигенцию, начиная с Белинского, которая была в сознании своем глубоко-реакционной и отсталой, враждебной духу творчества, враждебной духу свободы, гасительницей духа. Предпочитать Белинского Хомякову, Чернышевского Достоевскому, Плеханова Вл. Соловьеву и значит быть реакционером духа, мракобесом, значит готовить Ленина и окончательное рабство духа» (стр. 301).

Революцию г-н Бердяев превращает в контрреволюцию, совсем на манер Каутского. В своей книге «Философия неравенства» г-н Бердяев определил господство большевиков как «сатанократию» (господство сатаны). Так как г-н Каутский никак не может подыскать социального базиса для этого господства, и так как он все совершеннее усваивает себе методологию господ Бердяевых, все основательнее забывая азы марксизма, то мы можем вскоре ожидать, что г-н Каутский тоже успокоится на «сатанократии». Amen.

* * *

Мы пришли к концу нашей работы. Рабочие и крестьяне СССР, пролетарии всего мира должны видеть, что положение становится все более серьезным. И они должны видеть, что некоторые вожди 2-го Интернационала затрубили в призывной рог, чтобы поддерживать империалистов в борьбе с

народами СССР, чтобы повторить в еще большем масштабе опыт с интервенцией. Мы, с своей стороны, будем сплачивать наши силы, зорко смотреть за всеми движениями врага и будем, разумеется, беспощадно подавлять все его выступления. Сам Каутский может быть спокоен. Плеханов говорил когда-то, что нужно завоевать себе право на казнь. Такого права Каутский не завоевал. Лично он слишком жалок для этого. И он будет жить (гнить) при всех режимах. Такова судьба этого апостола международной буржуазии.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие. 5

Международная буржуазия и Карл Каутский, ее апостол. 7

I. Международное значение Советского Союза 8

II. Абсолютизм Романовых и «абсолютизм» большевиков . . 15

III. Большевистский террор, «социалисты» и массы. 25

IV. Пролетариат, государство, партия 33

V. Советский режим и экономика страны 43

VI. Так-называемый «крах коммунизма» и частный капитал в промышленности. 58

VII. Так-называемый «крах коммунизма» и частный капитал в торговле 67

VIII. Процесс социалистического строительства в целом и его противоречия. 74

IX. Советский Союз и капиталистические правительства. Карл Каутский на службе иностранных капиталистов . . 86

X. Карл Каутский на службе внутренней контрреволюции. . 98

Цена 45 коп.

9